

Мартин Лютер

К христианскому дворянству немецкой нации

Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации

*К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства
Досточтимому господину Николаусу фон Амсдорфу 1, лиценциату Священного
Писания и канонику в Виттенберге, моему самому близкому другу*

Доктор Мартин Лютер

Прежде всего, благодать и мир от Бога, досточтимый, дорогой господин и друг! Время молчания прошло, и время говорить настало, как возвещено в третьей главе Екклесиаста 2. Я соединил, согласно нашему намерению, несколько заметок, касающихся исправления христианства, чтобы предложить их христианскому дворянству немецкой нации; может быть, Бог все-таки захочет помочь Своей Церкви посредством мирян, поскольку духовенство, которому это более подобает, ни на что не обращает внимания.

Посылаю все это Вашей Милости для правки и, где требуется, улучшения. Я вполне осознаю: после [выхода в свет] этого [сочинения] на меня посыпятся упреки в том, что, воспарив слишком высоко, я — презираемый, отрекшийся от мира монах — осмеливаюсь обращаться к столь высоким и могущественным сословиям по поводу очень важных, больших дел; как будто бы в мире нет никого, кроме доктора Лютера, кто позаботился бы о христианстве и дал совет таким мудрым людям. Но я повременю с оправданиями; пусть выговаривают мне за это, кому вздумается. Я, пожалуй, виноват перед моим Богом и миром еще в одной глупости — в том, что ради успеха предпринимаемого мной дела готов дорого заплатить, даже превратиться на время в придворного шута. Но нет худа без добра. Если меня постигнет неудача, я утешусь тем, что никто не сможет купить мне дурацкий колпак и, [как придворному шуту], выстричь затылок. Ведь все зависит от того, кто кому привязывает колокольчик. Я должен подтвердить поговорку: если в мире затевается что-либо, то при этом должен находиться монах, даже если бы его пришлось нарисовать. Не единожды бывало, что дурак говорил мудро, и не раз мудрецы творили глупости. [Апостол] Павел [однажды] заметил: "Если кто думает быть мудрым, то будь безумным" 3. А поскольку я не только дурак, но и доктор Священного Писания, Дававший присягу 4, то неплохо, что мне представляется возможность выполнить свою клятву как раз таким дурацким способом. Я прошу оправдать меня перед умеренно разумными, ибо у чрезмерно разумных я не смог заслужить благосклонности и милости, которых добивался так часто и с таким большим старанием, а впредь не хочу ни добиваться этого, ни дорожить им.

Да поможет нам Господь искать не своей, а только Его славы. Аминь.

Виттенберг, августинский монастырь, вечер праздника Святого Иоанна Крестителя 5, тысяча пятьсот двадцатый год.

* * *

Пресветлейшему, могущественнейшему Императорскому Величеству и христианскому дворянству немецкой нации

Доктор Мартин Лютер

Прежде всего, благодать и могущество от Бога, пресветлейшие, милостивейшие, любезные господа! Не по моей нескромности или непростительному легкомыслию произошло то, что я, далекий от державных дел, незнатный человек, решился обратиться к Вашим Высоким Светлостям: нужда и притеснения, отягощающие все христианство и, прежде всего, немецкую землю, побуждали не только меня, а и каждого не один раз раздражаться стенаниями и взывать о помощи; и сейчас [они] заставили меня обратиться с призывом: не захочет ли Бог вдохнуть в кого-нибудь мужество, чтобы он протянул свою руку несчастной нации. Нередко [Церковные] Соборы предлагали разные реформы б, но их

проведению всякий раз препятствовала хитрость некоторых людей, — и их козни и злодеяния (поскольку после Соборов все становилось еще хуже) я намерен теперь, да поможет мне Господь, не мешкая, обнародовать, чтобы они, став общеизвестными, не могли в дальнейшем так мешать и вредить. Бог поставил над нами главой благородного юношу 7 и пробудил во многих сердцах большие, благие упования; но наряду с этим необходимо и наше содействие, чтобы извлечь пользу из [благоприятного] момента и [императорской] благосклонности.

Первое и самое важное в этом деле заключается в том, чтобы мы всегда серьезно обдумывали свои начинания и не затевали ничего в надежде на великую силу или разум, даже если бы в наших руках была вся власть земная; ибо Бог не может и не хочет допускать, чтобы доброе дело начиналось в надежде на собственную силу и разум. А если Бог не одобряет затею, то тогда не поможет ничто, как отмечается в 33 Псалме: "Не спасется царь множеством воинства; исполина не защитит великая сила"⁸. Это объясняет, считаю я, почему в давние времена знаменитые государи Фридрих I 9, Фридрих II 10 и многие другие германские императоры, перед которыми трепетал мир, потеряли все свое величие и были попраны ногами пап. Скорее всего, они больше надеялись на свое могущество, чем на Бога, и поэтому должны были пасть. И в наши дни кровопийцу Юлия II 11 вознесло столь высоко, по моему мнению, не что иное, как то, что Франция, Германия и Венеция рассчитывали лишь на самих себя. И дети Вениаминовы поразили сорок две тысячи израильтян, потому что последние уверовали в свою непобедимость (Суд. 20, 21) 12.

Чтобы и у нас не произошло того же с нашим благородным Карлом 13, мы должны проникнуться уверенностью, что в данном случае мы имеем дело не с людьми, а с князьями ада (Еф. 6, 12), которые запросто могут ввергнуть мир в войну и кровопролитие, но победить себя этими средствами не дадут. Нам же, невзирая на то, что злодеи достойны наказания, следует отказаться от насилия, в смиренном уповании препоручить дело Богу, с праведной молитвой надеяться на Божью помощь и не обращать внимания ни на что, кроме горя и бедствий несчастного христианства; в противном случае затея, пожалуй, может начаться с большим блеском, но если увлечься ею, то дьяволы могут устроить такую круговерть, что весь мир будет плавать в крови, и все-таки этим ничего не добьешься; поэтому нужно действовать со страхом Божиим и благоразумием. Чем больше насилия, тем больше горя, если не действовать со страхом Божиим и смирением. Папы и римляне, которые до сего времени могли с помощью дьявола приводить в замешательство королей, смогут делать это и впредь, если мы без помощи Божией будем рассчитывать лишь на свою силу и сноровку.

Романисты 14 с завидной прытью воздвигли вокруг себя три стены, при помощи которых они до сих пор защищали себя 15, и никто не смог их реформировать; из-за этого все христианство пришло в ужасный упадок.

Во-первых, если им угрожали светской властью, то они утверждали, что светские законы не для них писаны, более того, что духовное — выше мирского. Во-вторых, если их хотели привлечь к ответственности на основании Священного Писания, то они подчеркивали, что никому, кроме папы, не подобает истолковывать Писание. В-третьих, если им угрожали Собором, то они выдумывали, будто бы никто, кроме папы, не имеет права созывать Собор. Так они тайно похитили у нас три розги, чтобы иметь возможность оставаться безнаказанными, и, укрывшись за надежными укреплениями этих трех стен, творили всевозможные гнусности и злодеяния, которые мы воочию видим и в наши дни. И даже если их вынуждали созвать [Церковный] Собор, они все-таки предварительно лишали его силы, обявывая заранее под присягой князей не задевать их, благодаря чему папе предоставлялась безраздельная власть над всем распорядком Собора. И поэтому не имело значения: созывалось ли много Соборов или же ни одного Собора, разве что они одурачивали нас лицемерием и притворством. Ощущая панический страх перед законным свободным Собором, они так задержали королей и князей, что последние уверовали, будто бы неповиновение им во всех этих лукавых и хитрых кознях — это неповиновение [Самому] Богу.

Ныне же, да поможет нам Господь и даст нам одну из труб, которыми были разрушены иерихонские стены 16, чтобы и мы смогли пустить по ветру эти соломенные и бумажные препоны, подготовить для покаяния греха христианские розги, обнародовать коварство и обман дьявола и, очистив таким образом себя, вновь снискать милость Божию.

Попытаемся прежде всего напасть на первую стену.

Выдумали, будто бы папу, епископа, священников, монахов следует относить к духовному сословию, а князей, господ, ремесленников и крестьян — к светскому сословию. Все это измышление и надувательство. Они не должны никого смущать, и вот почему: ведь все христиане воистину принадлежат к духовному сословию и между ними нет иного различия, кроме разве что различия по должности [и занятию]. Павел (1 Кор. 12) говорит, что все мы вместе составляем одно тело, но каждый член имеет свое особое назначение, которым он служит другим. И поэтому у нас одно Крещение, одно Евангелие, одна вера; все мы в равной степени христиане (Еф. 4), ибо только лишь Крещение, Евангелие и вера превращают людей в духовных и христиан. А если папа или епископ совершают помазание, делают тонзуру 17, посвящают в сан, освящают, одеваются не так, как миряне, то все это возносит только лицемеров и болванов, но никогда не превращает в христианина или духовное лицо. Сообразно этому все мы посредством Крещения посвящаемся во священники, как свидетельствует святой Петр (1 Пет. 2): "Вы царственное священство, народ святой". [Об этом же говорится] в Откр. 5: "Ты кровию Своею соделал нас священниками и царями" 18. И если бы в нас не было высшего посвящения, чем то, которое совершают папы или епископы, то никогда посвящением папы и епископа не был бы создан ни один священник, точно так же невозможны были бы ни отправление мессы, ни проповедь, ни отпущение грехов.

Поэтому посвящение епископа равнозначно тому, как если бы он в месте, где собралось множество людей, избрал одного из толпы, в которой все обладают равной властью, и поручил бы ему осуществлять эту самую власть над другими. Точно так же, если бы десять братьев, королевских сыновей, пользующихся равными правами наследования, избрали бы одного, который управлял бы за них наследством, то все они были бы королями, обладающими равной властью, и все же управлять было бы поручено одному. Скажу об этом еще понятнее. Если бы группа благочестивых христиан была захвачена в плен и заточена в пустыне и среди них не было бы священника, рукоположенного епископом, и если бы они единодушно избрали одного из своей среды, независимо от того, женат он или нет 19, и поручили бы ему крестить, служить мессу, отпускать грехи и проповедовать, то он был бы самым настоящим священником, как будто бы его рукоположили все епископы и папы. Отсюда следует, что в случае необходимости каждому дозволено крестить и отпускать грехи, что было бы невозможным, если бы не все мы были священниками. И столь великую милость, силу Крещения и принадлежности к христианству они посредством канонического права почти полностью исказили и утаили от нас. [А ведь] таким образом в старину христиане избирали из числа единоверцев своих епископов и священников, которые после этого утверждались другими епископами без той пышности, которая царит теперь. Так стали епископами святые Августин 20, Амвросий 21, Киприан 22.

Поскольку светские владыки крещены так же, как и мы, и у них та же вера и Евангелие, мы должны позволить им быть священниками и епископами и их обязанности рассматривать как службу, которая связана с христианской общиной и полезна ей. И вообще каждый крестившийся может провозглашать себя рукоположенным во священники, епископы и папы, хотя не каждому из них подобает исполнять такие обязанности. И хотя все мы в равной степени священники, никто не должен ловчить и выдвигаться по своей воле без нашего согласия и избрания, то есть делать то, на что мы все имеем равные права. Ведь то, что принадлежит общине, никто не может, помимо воли и разрешения общины, присвоить себе. И если случится, что кто-нибудь, избранный на такое служение, будет смещен за какие-то злоупотребления, то он снова станет тем, кем был прежде. Поэтому необходимо, чтобы священник у христиан был только должностным лицом. Пока он служит, он возвышается;

когда его смещают, он такой же крестьянин или горожанин, как и другие. И точно так же священник ни в коем случае не остается священником, если он смещен. Но они выдумали *characteres indelebiles* 23 и болтают, что смещенный священник все-таки нечто отличающееся от простого мирянина. Они даже лгут, будто бы священник никогда не может быть никем, кроме священника, а мирянин — никем, кроме мирянина; но все это слова и законы, придуманные людьми.

Из этого следует, что миряне, священники, князья, епископы, или, как они выражаются, духовные и светские лица — в действительности не имеют никаких других существенных различий, кроме службы или занятия. По своему же достоинству они не различаются, потому что все принадлежат к духовному сословию; [все они] истинные священники, епископы и папы, но не у всех У них одинаковая служба, подобно тому, как в среде священников и монахов не все заняты одним и тем же делом. И по свидетельству святого Павла (Рим. 12 и 1 Кор. 12) и Петра (1 Пет. 2), как я упоминал раньше, все мы составляем тело, а глава — Иисус Христос, и каждый является членом тела по отношению к другим. У Христа нет двух тел или тел двоякого рода: одного светского, другого — духовного. Единая глава Он и одно Тело у Него.

Подобно этому, те, кого сейчас называют духовенством, или священниками, епископами и папами, отличаются от остальных христиан не далее и не более того, что они должны иметь дело со словом Божиим и с Таинствами, это их занятие и служба; точно так же в руках у светской власти — меч и розги, чтобы наказывать ими злых, защищать благочестивых. У сапожника, кузнеца, крестьянина и у каждого есть свое ремесло, должность и дело, и все же все они в одинаковой мере являются посвященными священниками и епископами; и каждый, исполняя свою должность или занимаясь своим ремеслом, обязан приносить пользу другим и служить им. И точно так же, как все члены тела служат друг другу, множество занятий сообща направлены на содействие телу и душе. Посмотрите теперь, христиане ли придумали и пустословили, что светская власть не распространяется на духовенство и не может осуждать его? Это равносильно утверждению: "Если глаз подвергается опасности, рука не должна оказывать помощи". Разве это не противоестественно (не говоря уже — не по-христиански), если один член не должен помогать другому и защищать его от гибели? Нет, чем благороднее член тела, тем больше другие должны ему помогать. И я настаиваю: так как светская власть учреждена Богом для наказания злых и защиты благочестивых, то круг ее обязанностей должен свободно и беспрепятственно охватывать все Тело христианства, без всякого исключения, будь то папа, епископ, священник, монах, монахиня или кто-нибудь еще. И если светскую власть ограничивать только потому, что она среди христианских занятий якобы незначительнее службы проповедника, или исповедника, или [вообще] духовного лица, то точно так же следовало бы наложить запрет на то, чтобы портные, сапожники, каменщики, плотники, кухарки, кельнеры, крестьяне и все живущие в мире ремесленники шили папе, епископам, священникам одежду, тачали обувь, строили дома, готовили пищу, подавали напитки, давали оброк. Но если этим мирянам не препятствуют в их занятиях, то почему же римские писаки, отгородившись при помощи своих законов от светской христианской власти, смогли лишь безнаказаннее творить зло и подтвердили тем самым высказывание святого Петра: "Будут у вас лжеучители и будут уловлять вас льстивыми словами, чтобы продать вас в мешке".

Поэтому светская христианская власть должна исполнять свою службу беспрепятственно, не опасаясь затронуть папу, епископа, священника: кто виноват, тот и отвечай. Возражения канонического права против этого — чистейшей воды самонадеянное римское измышление 25, ибо святой Павел провозгласил для всех христиан: "Всякая душа (я считаю, и папы тоже) да будет покорна высшим властям; ибо они не напрасно носят меч, они Божьи слуги для наказания злых и поощрения благочестивых" 26. И святой Петр [говорил]: "Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа, ибо такова есть воля Божья" 27. Он возвестил также, что появятся люди, пренебрегающие светской властью (2 Пет. 2), как и произошло впоследствии, благодаря церковному праву.

Итак, я полагаю, что эта первая бумажная стена низвергнута; отныне светская власть становится членом христианского Тела, и, занимаясь земными делами, она все же принадлежит к духовному сословию; поэтому сфера ее деятельности должна беспрепятственно касаться всех членов Тела в целом: наказывать виновных и преследовать их в случае необходимости, не обращая внимания на пап, епископов, священников; пусть они угрожают и отлучают, как только им вздумается. Потому-то и происходит, что провинившихся клириков, нарушивших [нормы] светского права, вначале лишают священнического сана, что считалось бы незаконным, если бы раньше по Божественному установлению светский меч не имел над ними власти. А между тем в церковном праве чрезмерно превозносятся свобода, жизнь и имущество священников, как будто бы миряне духовно не такие же добрые христиане, или как будто бы они не принадлежат к церкви. Почему тело, жизнь, имущество и честь твои так свободны, а мои — нет; ведь мы же все — христиане, у нас одинаковое Крещение, вера, Дух и все остальное? Если убивают священника, то на местность, [где он убит], налагается интердикт 28, почему же этого не происходит, если убивают крестьянина? Откуда проистекает такое заметное различие между равноправными христианами? Единственно из человеческих законов и измышлений.

Ни в коем случае не может быть добрым духом тот, кто выдумывает такого рода оговорки и беспрепятственно, безнаказанно впадает в грех. Ведь против злого духа, его деяний и слов мы обязаны бороться изо всех сил и изгонять его, как завещали нам Христос и Апостолы; как же мы дошли до того, что вынуждены бездействовать и безмолвствовать в тот момент, когда папа или его приближенные ведут дьявольские речи и дела? Если ради людей мы должны были бы предать забвению Божественные заповеди и справедливость, отстаивать которые не на живот, а на смерть поклялись при Крещении, то, воистину, мы несли бы ответственность за все души, которые вследствие этого были бы оставлены на произвол судьбы и соvrращены. Поэтому, должно быть, сам глава дьяволов произнес слова, вписанные в церковное право: "Если бы зловерность папы простиралась настолько, что он повел бы души большими толпами прямо к дьяволу, то даже в этом случае его нельзя было бы сместить" 29. На эти проклятые, дьявольские суждения полагаются в Риме и считают, что весь мир должен скорее отправиться к дьяволу, чем воспротивиться их мошенничеству. Если бы того, что один возвышается над другим, было бы достаточно, чтобы не подвергать его наказанию, то ни один христианин не должен бы был наказывать другого, так как Христос заповедал каждому считать себя низшим и наименьшим из всех (Мф. 18; Лк. 9). За прегрешением должно неизбежно следовать наказание. И как отмечает святой Григорий 30, мы, конечно же, все равны, но вина делает одного подвластным другому. Мы, однако, видим, как они обходятся с христианами: нагло предавая забвению Писание, покушаются на свободу тех, кого Бог и Апостолы подчинили светскому мечу; так что возникает сомнение — не забавы ли это антихриста 31 или его ближайшего предшественника.

Вторая стена еще более шаткая и неустойчивая: они намереваются быть единственными истолкователями Писания. Не изучив в нем на протяжении жизни ни строчки, они имеют наглость считать себя единственными авторитетами; обманывают нас бесстыдными высказываниями, что папа, независимо от того — злой он или благочестивый, не может заблуждаться в вере, но подтвердить это ссылкой хотя бы на одну букву они не в состоянии. И из-за этого в церковном праве содержится так много еретических и нехристианских, да и противоестественных законов, что сейчас даже отпадает необходимость доказывать это. Пока они будут считать, что Святой Дух не оставляет их, даже если они будут настолько невежественны и зловерны, насколько им это доступно, они смогут возводить в ранг закона все, что только захотят. И если это будет продолжаться, то есть ли нужда или польза в Священном Писании. Сожжем же его и ублагодворим себя невежественными господами из Рима, имеющими в себе Святого Духа, хотя Он может осенить лишь благочестивые сердца. Если бы я не читал об этом, я бы не смог поверить, что дьявол, столь неумело проворачивающий в Риме свои дела, может при этом привлекать единомышленников.

Вместе с тем, стремясь показать, что мы боремся с ними не только нашими словами, сошлемся на Писание. Святой Павел утверждает (1 Кор. 14): "Если же кому из сидящих и слушающих другого о слове Божьем будет откровение, то тот, кто говорит, должен умолкнуть и посторониться" 32. Но какая польза от этой заповеди, если мы должны верить лишь тому, кто говорит сверху или сидит наверху? Христос сказал (Ин. 6), что все христиане будут научены Богом, поэтому вполне может быть, что папа и его приближенные, являясь злыми и неистинными христианами, хотя и наученными Богом, не обладают истинным разумением, и, наоборот, простой человек имеет правильное разумение. Почему же нельзя ему следовать? Разве папа не заблуждался неоднократно? Но кто захочет помочь христианству, если и в случае, когда папа заблуждается, надо все-таки больше верить ему, а не тому, на чьей стороне Писание? Это кощунственная, лживая басня, и они не могут привести ни одной буквы в доказательство того, что лишь папа может истолковывать Писание или утверждать его толкование; они самовольно присвоили это право. И хотя они делают оговорку, будто бы получили власть от святого Петра, которому были переданы ключи, хорошо известно то, что ключи переданы не одному святому Петру, а всей общине; к тому же ключи предназначены не для учения или управления, а единственно для того, чтобы вязать или разрешать грехи 34. И все остальное, что они придумывают, ссылаясь на ключи, всего-навсего выдумка. Слова Христа: "Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя" 15, обращенные к Петру, не могут распространяться на папу, поскольку большая часть пап не имела веры, что они и сами должны признать. К тому же Христос молился не только за Петра, но и за всех Апостолов и христиан, как свидетельствует Иоанн (Ин. 17): "Отче, Я молю о тех, которых Ты дал Мне, и не только о них, но и обо всех верующих в Меня по слову их" 36. Разве это сказано недостаточно ясно?

Подумай сам: они не могут не признать, что среди нас есть благочестивые христиане, которые прониклись истинной верой, Духом, пониманием слова и мысли Христа. Так почему же надо отвергнуть их слово и суждения и следовать за папой, не имеющим ни веры, ни Духа? Не означало ли бы это отречения от всей веры и Христианской Церкви? Далее, если справедливо положение: "Верую во Святую Христианскую Церковь", — то папа не должен быть единственным авторитетом. В противном случае наша молитва должна сводиться к словам: "Верую в папу римского". А это было бы отождествлением всей Христианской Церкви с одним человеком и не более чем дьявольским и адским заблуждением.

И самое главное, мы ведь все христиане, как отмечено выше; у всех у нас одна вера, одно Евангелие, одно Причастие. Как же можем мы не обладать и властью воспринимать и судить, что истинно или неистинно в вере? К чему же тогда слова Павла (1 Кор. 2): "Духовный человек судит о всем, а о нем никто судить не может" и (1 Кор. 4): "Все мы имеем тот же дух веры" 3?. Почему же мы не можем чувствовать в такой же степени, как неверующий папа, что в вере истинно, а что ложно? На основании всех этих и многих других изречений должны мы стать мужественными и свободными и добиться того, чтобы Дух свободы (как писал Павел) 38 не трепетал перед папскими измышлениями, а смело, в соответствии с нашим разумением Писания, проникнутым верой, исправил все, что папа и его сторонники делают или позволяют делать, и принуждал их придерживаться лучшего, а не их собственного разумения. Ведь должен же был в старину Авраам слушать свою Сарру, которая тем не менее была подчинена ему больше, чем мы кому-либо на земле 39. Точно так же Валаамова ослица была умнее самого пророка 40. Если Бог посредством ослицы обращался к пророку, то почему Он не может посредством благочестивого человека обличать папу? Далее, святой Павел осуждал святого Петра как заблуждающегося (Гал. 2). Поэтому надлежит всякому и каждому христианину проникнуться верой, понимать и защищать ее и осуждать все заблуждения.

Третья стена падет сама собой, если разрушены эти две первые. Ведь поскольку деятельность папы противоречит Писанию, мы обязаны стать на сторону Писания, наказать папу и воздействовать на него в соответствии со словом Христовым (Мф. 18): "Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним: если же не

послушает, возьми с собою еще одного или двух, если же не послушает их, скажи общине 41, а если и общины не послушает, то да будет он тебе, как язычник". Здесь каждому заповедается заботиться о других. Насколько же больше мы должны следовать этому, если управитель церкви действует во зло, своими поступками причиняет другим много вреда и вводит их в соблазн. Но, если я призван обличить его перед общиной, мне прежде всего нужно ее собрать.

У них нет никаких свидетельств Писания, что только папе надлежит созывать Собор или утверждать [его распорядок]. [У них есть] только их собственные законы, имеющие значение лишь в той мере, в какой они не вредят христианству и заповедям Божиим. В случае же, если папа достоин наказания, эти законы теряют силу. И тем, что папа не наказуем посредством Собора, христианству наносится вред. Но в Деян. 15 мы читаем, что Апостольский Собор созывал не святой Петр, а все Апостолы и пресвитеры. Если бы делать это полагалось лишь одному святому Петру, то это был бы не Христианский Собор, а сборище еретиков. Также достославный Никейский Собор созывал и утверждал [его распорядок] не римский епископ, а император Константин 42. А после него точно так же поступали многие другие императоры, и все-таки это были Вселенские Христианские Соборы. Однако если бы эту власть имел только папа, то, несомненно, все они были бы еретическими. Поэтому, когда я касаюсь Соборов, созданных папством, я не придаю особого значения их решениям.

И если требуется обстановка, а папа злонамеренно относится к христианству, то всякий, кто может, обязан, как верный член всего Тела, содействовать созыву поистине свободного Собора. А этого никто не в состоянии сделать лучше, чем светский меч; в особенности потому, что светские владыки так же, как и все, являются христианами, духовенством, священниками, обладающими властью во всех делах, и должны, там где это будет нужно и полезно, беспрепятственно применять по отношению к каждому власть, данную им Богом. Если в городе возникает пожар, то разве не противоестественно приказывать его жителям бездействовать, не мешая постепенно воспламеняться всему, что может гореть, единственно потому, что они не обладают властью бургомистра, или потому, что пожар распространился из дома бургомистра? Разве не обязан в данном случае каждый горожанин будить и созывать других? Но насколько решительнее следует действовать в Духовном Граде Христовом, если в папском правлении или где бы то ни было занимается пламя соблазна! И при нападении врага на город в нем достоин славы и благодарности тот, кто первым поднимет других. Почему же не должен быть увенчан почестями тот, кто возвещает о врагах из преисподней, пробуждает и созывает христиан?!

А то, что они похваляются своей властью, с которой якобы нельзя бороться, то это, по сути дела, не заслуживает упоминания. Никто в христианстве не обладает властью причинять вред или запрещать противиться разрушению. В Церкви нет никакой иной власти, кроме власти, направленной на созидание. Поэтому, если папа захочет использовать власть, чтобы воспрепятствовать созыву свободного Собора, и тем самым будет приостановлено совершенствование Церкви, нам не следует обращать внимания на него и на его власть. Если же он обрушится с отлучениями и бранью, то этим надо пренебрегать, как выходкой сумасшедшего, — и в свою очередь, уповая на Бога, отлучать и преследовать его изо всех сил, потому что такая самонадеянная папская власть ничего не значит. К тому же он ее и не имеет и скоро будет низвергнут одним изречением Писания, ибо Павел сказал в Послании к Коринфянам: "Господь дал нам власть к созиданию, а не к расстройству христианства" 43. Кто осмелился пренебречь этим изречением? Конечно же, власть дьявола и антихриста, препятствующая тому, что служит исправлению христианства. Поэтому не содействовать ей нужно, а сопротивляться, не щадя живота своего, не жалея имущества и всего, что у нас есть.

И если вдруг появится чудесное знамение в пользу папы, против светской власти, или кого-нибудь постигнет бедствие, что, как они болтают, случалось не раз, то это нужно воспринимать не иначе, как происки дьявола из-за нашей недостаточной веры в Бога. Ведь

это возвещал еще Христос (Мф. 24): "Придут под именем Моим лжехристиане и лжепророки, которые будут творить знамения и чудеса и смогут прельстить даже избранных" 44. И святой Павел сказал фессалоникийцам, что антихрист по действию сатаны будет со всякою силою и чудесами ложными 45.

Поэтому будем придерживаться следующего: христианская власть не желает ничего, не угодного Богу, как заявляет святой Павел: "Мы можем действовать не против Христа, а за Христа" 46. Если же власть учиняет что-то против Христа, то она принадлежит антихристу и дьяволу и должна, как дождем и градом, прикрываться чудесами и бедствиями. Но чудеса и бедствия не доказывают ничего, особенно в наше, предшествующее Страшному Суду, недоброе время, о ложных чудесах которого возвещается во многих местах Писания (2 Фес. 2, 9, 10); поэтому должны мы блюсти слово Божие с непоколебимой верой, и тогда дьявол, пожалуй, оставит свои чудеса. Этим, надеюсь, должны быть низвергнуты ложные, призрачные кошмары, которыми на протяжении длительного времени римляне запугивали наши души. Ведь они наряду со всеми нами в равной степени подчинены мечу, не властны произвольно, без подготовки, истолковывать Писание и не имеют никаких оснований сопротивляться Собору, отнимать его вольности, или по своей прихоти обязывать его налагать наказания; если же они это делают, то они, без сомнения, сообщники антихриста и дьявола, не имеющие, кроме названия [христиане], ничего общего с Христом.

А теперь рассмотрим предложения, которые, как этого требует справедливость, должны обсуждаться на Соборах и которыми папа, кардиналы, епископы и все ученые должны были бы руководствоваться и днем и ночью, если бы любили Христа и Его Церковь; но раз они этого не делают, пусть содействуют [осуществлению этих предложений] толпа и светский меч, невзирая на их отлучения или угрозы, ибо одно несправедливое отлучение лучше десяти справедливых отпущений грехов и одно несправедливое отпущение грехов хуже десяти справедливых отлучений. Поэтому пора проснуться, дорогие немцы, и больше бояться Бога, чем людей 47, чтобы не разделить участи несчастных душ, столь прискорбно потерянных из-за позорного дьявольского правления римлян, чтобы день ото дня не усиливался все более и более дьявол; иначе адское правление римлян может стать настолько зловредным, что я даже не могу ни вообразить, ни представить этого.

Во-первых, [охватывает] омерзение и отвращение, когда видишь, что глава христианства, славословящий себя как наместника Христа и преемника святого Петра, ведет такой светский и пышный образ жизни, достичь и сравняться с которым не в состоянии никакой король, никакой император; и тот, кто повелевает называть себя "пресвятейшим" и "первосвященнейшим", проявляет более мирскую сущность, чем сам мир. Он увенчан трехкоронной митрой, тогда как величайшие государи довольствуются одной короной; если это выдерживает сравнение с неимущим Христом и святым Петром, то это какое-то новое сходство. Пустословят, будто бы обличать это — ересь, и даже не хотят слышать о том, насколько чуждо христианству и безбожно такое поведение. Но я считаю, что если папе подобает в слезах молиться перед Господом, то он должен был бы навсегда сбросить такую корону, так как наш Бог ни в коей мере не может мириться с высокомерием. И служение папы должно быть не чем иным, как ежедневным плачем и мольбой за христианство и образцом безупречного смирения.

Как ему будет угодно, но такая пышность зловредна, и папа, ради спасения своей души, обязан отказаться от нее, следуя словам святого Павла: "Удерживайтесь от всякого рода зла" 49. И Рим. 12: "Пекитесь о добром не только пред ликом Божиим, но и пред всеми человеками" 50. Папа мог бы довольствоваться обычной епископской короной; возвышаться над другими он должен усердием и святостью, а корону высокомерия оставить антихристу, как это делали его предшественники несколько столетий тому назад. Говорят, что он владыка мира. Это ложь, потому что Христос, за наместника и служителя Которого папа себя выдает, заявил Пилату: "Царство Мое не от мира сего" 51. И никакой наместник не может обладать более широкими полномочиями, чем его господин. К тому же он наместник не возвысившегося, а распятого Христа, как свидетельствует Павел: "Ибо я рассудил быть у вас

не знающим ничего, кроме Христа, и притом распятого" 52. И Флп. 2: "В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе, Который унижил Себя Самого, приняв образ раба". Далее, 1 Кор. 1: "Мы проповедуем Христа распятого". Они же превращают папу в наместника возвысившегося на небесах Христа и позволяют некоторым дьяволам настолько овладеть собой, что считают, будто папа выше ангелов небесных и должен повелевать ими, а это, по сути, доподлинные происки настоящего антихриста.

Во-вторых, какую пользу приносят христианству люди, называемые кардиналами? Отвечу тебе. В итальянских и немецких землях много богатых монастырей, богаделен, ленов и приходов, и в Риме не придумали лучшего способа попользоваться ими, как учредив [должности] кардиналов и передав им епископства, монастыри, прелатуры 53. Так богослужение пришло в упадок. И сейчас говорят, что итальянские земли превратились едва ли не в пустыню: монастыри разрушены, епископства растранижены, доходы прелатуры и всех церквей растаскиваются Римом, города пришли в упадок, страна и люди — на грани гибели, богослужение и проповедь — в полном забвении. Почему? [Потому что] должны обогащаться кардиналы. Никакие турки не смогли бы так истощить Италию и расстроить богослужение. И вот, обескровив Италию, они появились в Германии и принялись за дело очень осмотрительно; но мы видим, как быстро немецкие земли уподобляются итальянским. У нас уже есть несколько кардиналов; чего добиваются этим римляне, пьяным немцам не дано понять до тех пор, пока у них не останется ни одного епископства, монастыря, прихода, лена, геллера или пфеннига. Как возвещено, антихрист должен собрать сокровища земные 54. Все идет к тому: уже снимаются пенки с епископств, монастырей и ленов, и хотя они еще не решаются привести в расстройство все, как у итальянцев, но уже прибегают к воистину "святой расторопности": объединяют десять или двадцать прелатур и с каждой из них ежегодно урывают кусок — и из этого образуется изрядная сумма. Пробство 55 в Вюрцбурге приносит тысячу гульденов; если прибавить кое-что из Бамберга, а тем более — из Майнца, Трира и других мест, то так удастся собрать тысячу или десять тысяч гульденов, чтобы кардинал в Риме жил, не уступая в богатстве королю. Если же они войдут во вкус, то возымеют желание провозглашать кардиналами по тридцать или сорок человек на день 56, и [лишь] одному из них подарят Мюнхенберг под Бабенбергом 57, а в придачу епископство Вюрцбургское, затем подкинут несколько богатых приходов, пока церкви и города не придут в запустение. А после этого они скажут: мы наместники Христа и пастыри овец Христовых; и потерявшие голову пьяные немцы, пожалуй, проглотят это.

Я же предлагаю назначать меньше кардиналов; или же — пусть папа питает их от щедрот своих. И двенадцати их было бы более чем достаточно с годовым содержанием каждому в тысячу гульденов. Как дошли мы, немцы, до того, что вынуждены терпеть от папы этот разбой и разграбление нашего добра? Французское королевство оградило себя от этого 58. Почему же мы, немцы, позволяем себя так дурачить и дразнить? Если бы расхищали лишь наше имущество, то это можно было бы еще терпеть; но они вдобавок опустошают церкви и отнимают у овец Христовых их благочестивых пастырей, ниспровергают богослужение и слово Божие. [А что бы произошло], если бы не осталось ни одного кардинала? [Да ничего]. Церковь-то не исчезла бы. Ведь они палец о палец не ударяют ради христианства, занимаются только денежными делами и тяжбами из-за епископств и прелатур, что с успехом мог бы делать и всякий разбойник.

В-третьих, если бы можно было оставить лишь сотую часть папской курии, а девяносто девять частей упразднить, то и этого было бы больше чем достаточно, чтобы решать дела, касающиеся веры. А сейчас в Риме столько пресмыкающихся, и все они так похваляются близостью к папе, что даже в Вавилоне не было ничего подобного. Одних только папских писцов в Риме более трех тысяч, а кто захотел бы посчитать других служащих, то вряд ли смог бы это сделать из-за великого множества должностей. И все служки, как волки на овец, зарятся на богоугодные заведения и лены немецких земель. Я полагаю, что немецкие земли отдают сейчас в Рим папе несравненно больше, чем в старые времена императорам. Некоторые считают, что ежегодно из Германии в Рим поступает более трехсот тысяч

гульденов — совершенно бесполезно и напрасно, — а взамен мы не получаем ничего, кроме насмешек и бесчестия. И мы еще удивляемся, что князья, дворянство, города, богоугодные заведения, страна и люди разоряются. Ведь нам скорее нужно изумляться тому, что у нас еще есть пропитание.

Поскольку мы сейчас играем в открытую, давайте на короткое время прервемся и посмотрим, такие уж немцы беспросветные дураки, что они совершенно не знают или не понимают римских делишек. Я здесь не жалуясь, что в Риме пренебрегают Божественными заповедями и христианским правом, ибо не столь хороши дела в христианстве, особенно в Риме, чтобы мы могли обращать внимание на такие высокие предметы. Я не жалуясь и на то, что совсем не считаются с естественным или светским правом и разумом, ибо это покоится на еще более глубоких основаниях. Я сетую, что они не соблюдают придуманного ими самими духовного права, которое, по сути, представляет собой неприкрытую тиранию, а корыстолюбие и преходящая роскошь для них значат больше, чем право, и это мы сейчас докажем.

В прошлом немецкие императоры и князья позволили папе взимать со всех ленов немецкой нации аннаты, то есть половину доходов первого года с каждого лена 59. Но позволение имело своей целью дать папе возможность путем сбора этих значительных сумм накопить средства для борьбы с турками и язычниками и для защиты христианства, чтобы духовенство также внесло свою лепту в ту тяжелую борьбу, которую дворянство вело в одиночку. И такой добросердечной, безыскусной заботой немецкой нации об общем благе папы воспользовались для того, чтобы в течение более ста лет, прошедших с того момента, взимать эти деньги, и превратили это в узаконенную обязательную подать и статью дохода. При этом они не только ничего не накопили, но учредили за счет этих сборов много званий и должностей в Риме, ежегодно оплачивая их как из какого-то наследственного дохода. Если ныне кто-нибудь проявляет намерение сражаться с турками, то [приближенные папы] снаряжают посланцев для сбора денег; а также под предлогом все той же антитурецкой борьбы издают множество индульгенций, полагая, что выжившие из ума немцы на веки вечные останутся непроходимыми дураками, постоянно дающими деньги для удовлетворения их невообразимого корыстолюбия, хотя в то же время все мы — свидетели того, что ни из аннат, ни из денег за индульгенции, ни из всего другого против турок не используется ни геллера, а все сыпается в бездонный мешок. Они обманывают и двоедушничают, устанавливают и заключают с нами соглашения, которые ни на йоту не собираются соблюдать, [рассчитывая], что все должно списаться за счет святого имени Христа и святого Петра.

Но, в конце концов, немецкая нация, епископы и князья должны сами позаботиться о христианстве и народе, который им вверен, чтобы управлять им и защищать его материальные и духовные блага от этих хищных волков, прикрывающихся овечьими шкурами и выдающих себя за пастырей и правителей. И поскольку аннатами столь постыдно злоупотребляют и не выполняют обещанного, то [властям] не следует допускать, чтобы их страна и люди угнетались беспросветнейшим образом и ставились на грань гибели; но посредством императорского или же всей немецкой нации указа нужно либо оставлять аннаты в стране, либо упразднить. Если они не соблюдают соглашений, то, следовательно, не имеют никакого права на аннаты, а епископы и князья обязаны наказать это воровство и грабеж или воспротивиться ему на основании закона. [Они должны] становиться на сторону папы и поддерживать его в тех случаях, когда он, быть может, слишком слаб, чтобы в одиночку [бороться] с таким безобразием. Если же он вознамерится защищать и поддерживать [бесчинства], то ему надо противодействовать и сопротивляться — как волку и тирану, ибо у него нет никакого права творить зло или потворствовать ему. А если кто-нибудь захочет собрать для борьбы с турками такие значительные суммы, то нам следует всего-навсего взяться за ум и заявить, что немецкая нация сможет сохранить их лучше, чем папа, поскольку у немецкой нации при наличии денег людей для ведения борьбы [с турками] хватит. И со многими другими римскими уловками дело обстоит так же, как и с аннатами.

Далее, год разделен между папой, епископами и главами церковных учреждений так, что папе предоставляется в году шесть месяцев подряд для пожалования ленов, которые в эти месяцы остаются без владельцев. Из-за этого почти все лены достались Риму, в особенности самые лучшие приходы и прелатуры. А те, которые однажды отходят к Риму, уже никогда не возвращаются, даже если они с тех пор никогда не теряли владельца в папский месяц; тем самым церковным учреждениям наносится большой ущерб. И это их начинание — ничего не возвращать из Рима — неприкрытый разбой. Поэтому сейчас настало время для того, чтобы полностью упразднить папские месяцы и вернуть назад все, присвоенное Римом. Князья и дворяне должны настаивать на том, чтобы похищенные богатства были возвращены, воры наказаны, а те, которые злоупотребили полученными полномочиями, были лишены полномочий. Если соблюдается и признается неприкрытый произвол — издание папской канцелярией на другой день после избрания папы его постановлений и законов, посредством которых грабятся наши церковные учреждения и приходы, — то было бы вполне справедливым, если бы император Карл на следующий день после своей коронации издал постановления и законы, в соответствии с которыми во всей немецкой земле ни один лен и приход больше не отходили бы к Риму в папский месяц, а все захваченное было бы освобождено от римских разбойников и возвращено; на это он имеет право в соответствии со своей службой меча.

Ныне корыстолюбивый, разбойничий римский престол не может дожидаться времени, когда, благодаря папскому месяцу, все лены постепенно перейдут к нему, и, побуждаемый своим ненасытным брюхом, спешит как можно скорей проглотить их без остатка. Поэтому кроме аннатов и [папских] месяцев он выдумал уловку, с помощью которой лены и приходы удерживаются за Римом еще тремя путями. Во-первых, если имеющий свободный приход умрет в Риме или по пути туда, то его приход становится вечной собственностью римского (я бы сказал — разбойничьего) престола. Однако они не хотят признавать себя разбойниками, хотя о таком разбое раньше никому не доводилось ни слышать, ни читать.

Во-вторых, к папской или кардинальской челяди относятся как те, кто [давно] владеет леном или унаследовал его, так и те, которые, приобретя лен [за пределами Рима], затем приблизились к папе или кардиналам. Но кто в состоянии сосчитать папскую и кардинальскую челядь, если папа, превосходя всех императоров и королей, выезжает на обычную прогулку в сопровождении трех или четырех тысяч [приближенных], восседающих на мулах? А Христос и святой Петр не для того ходили пешком, чтобы их заместники состязались в роскоши и пышности. Мудрствуя дальше, корыстолюбие устроило так, что и за пределами Рима многие зачисляются в состав папской курии, как в Риме, чтобы повсеместно при помощи плутовского словечка "папский приближенный" все лены были отданы римскому престолу и закреплены за ним навсегда. Разве не возмутительна эта дьявольская выдумка? Если мы будем смотреть на это сквозь пальцы, то Майнц, Магдебург, Хальберштадт запросто могут отойти к Риму и кардиналов придется оплачивать довольно дорогой ценой. Затем нас заставят сделать кардиналами всех немецких епископов и дочиста подметут все вокруг.

В-третьих, о том, как в Риме возникает тяжба из-за лена. Это, на мой взгляд, едва ли не самый распространенный и главный способ захвата приходов Римом. Если на местах не возникает тяжб, то в Риме находят бесчисленное множество сутяг, которые из-под земли извлекают [поводы] к тяжбам и набрасываются на приходы, где только захотят, из-за чего многие благочестивые священники вынуждены терять свои приходы или на время откупаться от тяжб деньгами. Такой лен, праведно или неправедно захваченный при помощи тяжбы, также должен стать вечной собственностью римского престола. Поэтому не следует удивляться, если Бог обрушит с неба поток серы и адского пламени и ниспровергнет Рим в бездну, как Он в старину сделал с Содомом и Гоморрой 60. И для чего христианству папа, если его власть используется лишь для [свершения] таких архизлодейств, а он поддерживает их и содействует им? О благородные князья и господа, до коих же пор вы будете безропотно отдавать свою страну и людей во власть этих хищных волков?

Но поскольку захват всех епископств при помощи таких интриг казался алчности слишком медленным, любезное корыстолюбие выдумало, что епископства по их наименованию находятся вне Рима, а по сути — в Риме, и что вследствие этого ни один епископ не может быть утвержден, сети он не купит за большие деньги паллий 61 и истово не поклянется быть личным рабом папы. Потому и получается, что ни один епископ не решается действовать против папы. Этого римляне также добились при помощи присяги, и в результате самые богатые епископства отягощены долгами и пришли в упадок. Я слышал, что Майнц задолжал двадцать тысяч гульденов. Это все из-за римлян, как мне кажется.

Некогда в каноническом праве они постановили вручать паллий безвозмездно, сократить число папских приближенных, свести на нет тяжбы, сохранить за церковными учреждениями и епископами их вольности. Но это не приносило денег, и тогда они, "перевернув лист", лишили церковные учреждения и епископов их власти — и они [теперь] — ничто, не имеют ни обязанностей, ни власти, ни дела. Главные мошенники из Рима во всех церквях заправляют всем, чуть ли не службой пономаря и звонаря. Все тяжбы переносятся в Рим, и каждый, властью папы, делает, что ему вздумается.

Что произошло в этом году? Страсбургский епископ решил упорядочить управление своими духовными учреждениями и реформировать богослужение 62; с этой целью он составил несколько проникнутых Божественным Духом христианских статей. Но мой дорогой папа и святой римский престол по доносу духовенства ниспровергли и предали проклятию этот праведный и духовный порядок. Если это называется пасти овец Христовых, то нужно натравливать священников на их собственного епископа и их непослушание обосновывать Божественными законами. На такое явное поношение Бога не решится, думаю я, и антихрист. Вот, если вам угодно, и папа. Почему же так [происходит]? Да ведь если бы началось реформирование Церкви, то преобразования представляли бы опасность, ибо Рим, конечно же, должен также подвергнуться им. Потому-то и не допускается никакого единения священников друг с другом и, по старой [римской] традиции, сеются разногласия среди князей и королей, а мир наполняется христианской кровью, чтобы единство христиан не угрожало Реформацией святому римскому престолу.

Мы уже говорили, как они поступают с приходами, которые пришли в упадок и лишились [владельцев]. Но, полагая, что ему достается слишком мало, избалованное корыстолюбие распространило свои претензии и на те лены, которые управляются их владельцами, чтобы превратить их в вакантные, хотя они не являются таковыми; и это [достигается] многими способами.

Во-первых, высматривают богатую пребенду 63 или епископство, возглавляемые стариком или больным или недееспособным по какой-нибудь вымышленной причине. К нему святой престол прикрепляет коадьютора, то есть помощника 64, без согласия и желания священнослужителя, на благо коадьютору, поскольку он либо принадлежит к приближенным папы, либо за это платит деньги, либо вообще как-то проявил себя на римской барщине. Вслед за этим сводится на нет свободное избрание капитула 65 или права того, кто жаловал приходы, и все предоставляется Риму.

Во-вторых, есть одно словечко — "комменды" 66, смысл которого заключается в том, что папа поручает кардиналу или вообще кому-либо из своих приближенных взять под опеку богатый монастырь или церковь, точно так же, как если бы я дал тебе на хранение сто гульденов. Это не значит дать или пожаловать монастырь, разорить его или упразднить богослужение, а только взять под опеку; не для того, чтобы его охранять или строить, а чтобы изгнать должностное лицо, присвоить пожертвования и оброк и пристроить какого-нибудь беглого монаха-отщепенца, который за пять или шесть гульденов в год будет сидеть день-деньской в церкви, продавать паломникам крестики и образки, совершенно пренебрегая богослужением. И если это называется разорением монастыря и упразднением службы Божией, то тогда папу следовало бы наречь разорителем христианства и упразднителем богослужения, так как он, действительно, увлеченно занимается этим. Но для Рима такие слова [кажутся] слишком резкими, и потому это должно называться "коммендой", или

поручением взять монастырь под опеку. Ежегодно папа может отдать под опеку более четырех таких монастырей, а доходы каждого из них [составляют] более шести тысяч гульденов. Так в Риме поддерживают богослужение и защищают монастыри. Этому также учатся и в немецких землях.

В-третьих, среди ленов есть такие, которые называются "incompatibilia" ["несовместимые"]. В соответствии с каноническим правом они не могут объединяться под властью одного лица, будь то два прихода, два епископства и тому подобное. Здесь святой римский престол и корыстолюбие обходят каноническое право при помощи глоссы⁶⁷, которые [в данном случае] называются "unio"⁶⁸ и "incorporatio"⁶⁹. Это означает, что несколько "incompatibilia" объединяются в одно целое так, что каждое из них становится составной частью по отношению к другому, и таким образом они характеризуются как один приход, который [уже] перестает быть "incompatibilia". И так помогают святому каноническому праву не препятствовать никому, исключая лишь тех, кто не платит папе и его датарию⁷⁰ за такие глоссы. Такого же рода и "unio", то есть объединение, которое, подобно охапке дров, включает в себя много ленов, чтобы они, благодаря такой [искусственной] общности, считались одним леном. И в Риме легко можно найти куртизана⁷¹, который один владеет двадцатью двумя приходами, семью церковными округами и к тому же еще сорока четырьмя бенефициями⁷²; упоминавшиеся искусные оговорки способствуют тому, что все это не считается противоречащим праву. А чем владеют кардиналы и другие прелаты, пусть каждый подумает сам. Так у немцев опустошаются кошельки и развеиваются надежды.

Оговорки распространяются также и на "administratio"⁷³. Его суть сводится к тому, что одно лицо наряду с епископством имеет аббатство или пребенду и владеет всем их имуществом, хотя называется лишь "administrator"⁷⁴. Ведь для Рима достаточно, если изменяется лишь наименование, а не [суть] дела. Это похоже на то, если бы я поучал, что содержательницу публичного дома нужно называть бургомистершей, а она оставалась бы такой же благочестивой, как и раньше. О таком римском правлении возвещал святой Петр, говоря (2 Пет. 2): "У вас будут лжеучители, которые из любостыжания будут уловлять вас льстивыми словами, преследуя свои выгоды"⁷⁵.

Любезное римское корыстолюбие придумало также обычай продавать и закладывать приходы и лены с той выгодой для продавца или заимодавца, что они сохраняют право обратного получения имущества. Это значит, что в случае смерти владельца лен беспрепятственно вновь возвращается тому, кто его перед этим продал, заложил или покинул. Тем самым они превратили приходы в наследственные держания, чтобы никто больше не мог занять их, кроме тех, кому продавец захочет их продать, либо, умирая, передаст свои права. Наряду с этим встречается и много таких, которые продают лен другому, только с титулом, не приносящим ни геллера [дохода]. Также давно укоренился [обычай] передавать друг другу лен с условием удержания некоторой суммы годового дохода, что раньше рассматривалось как симония⁷⁶. [Прибегают] и ко многим другим ухищрениям, о которых и не расскажешь, и, осеня себя крестом, прикрываясь Христовым одеянием, обращаются с приходами бесчестнее, чем язычники.

Однако все, о чем говорилось до сих пор, уже давно стало обычным [явлением] в Риме. Корыстолюбие же выдумало еще одно, что, надеюсь, должно стать последним и чем оно подавится. Папа прибегает к благородной уловке, которая называется "pectoralis reservatio", то есть "нравственная оговорка", "et proprius motus" ("и власть собственных намерений"). Это сводится к следующему. Кто-нибудь получает в Риме лен, что подтверждается, как принято, законным документом, но тут появляется другой, с деньгами или с заслугами, о которых лучше и не упоминать, и добивается у папы того же самого лена. Папа дает лен ему, отнимая его у первого. Если раздаются упреки, что это несправедливо, то пресвятой отец утверждает, что его нельзя столь грубо и открыто осуждать за такие действия, и оправдывается тем, что в сердце своем и душе он предназначил этот лен для своего собственного полного владения, хотя до этого в течение всей своей жизни он никогда не думал и не слышал о нем. И таким

образом обосновывается оговорка, в соответствии с которой он самовольно может лгать, обманывать, дразнить и дурачить всякого, и все это — беззастенчиво и открыто; и тем не менее [он] хочет быть главой христианства, с помощью откровенной лжи делая возможным правление злого духа.

Своеволие и лживые оговорки папы порождают в Риме такие порядки, что никто этого не в состоянии передать. Там — купля, продажа, размен, обмен, суэта, ложь, обман, грабеж, воровство, роскошь, блуд, подлость и пренебрежение Богом во всех видах, так что гнуснее не мог бы править и антихрист. Венецию, Антверпен, Каир нельзя даже сравнить с этой ярмаркой, с куплей-продажей в Риме; разве что там руководствуются разумом и правом, здесь же все происходит по воле самого дьявола. И как из моря растекается [оттуда] по всему свету такая добродетель. Разве зря боятся такие люди Реформации и свободного Собора и разве не стремятся они перессорить всех королей и князей, чтобы благодаря их единству не был созван Собор? Кто же может допустить, чтобы обсуждались такие злоупотребления, свершенные им?

Наконец, для всех этих благородных проделок папа учредил собственный торговый дом, то есть палату датария в Риме . Туда должны обращаться все те, кто добивается таким [незаконным] путем ленов и приходов. Там можно покупать упоминавшиеся глоссы и должности и домогаться права заниматься таким архизлодейством. Раньше [просители] в Риме отделялись еще дешево, тогда можно было за деньги покупать или отменять право. Сейчас же там все настолько подорожало, что предварительно за большие деньги покупается разрешение учинять бесчинства. Если это не главный бордель среди всех борделей, какие только можно себе вообразить, то я не знаю, что называть борделем.

Если у тебя есть деньги в этом доме, то ты сможешь заняться всеми делами, о которых рассказывалось, и не только ими; за деньги любая сделка здесь будет оправдана, будет узаконено все наворованное, награбленное имущество. Здесь освобождают от обетов, здесь монахам разрешают выходить из орденов, здесь духовенству продается право на вступление в брак, здесь дети потаскух могут превратиться в рожденных в браке, здесь всякое бесчестие и позор превращаются в достоинства, здесь все зловредно порочные и низкие посвящаются в рыцари и становятся благородными; здесь признаются браки между близкими родственниками 78 или подлежащие запрету по другим причинам. О, здесь царит такое мздоимство и вымогательство, что создается впечатление, будто бы все духовные законы установлены лишь для того, чтобы увеличить для извлечения денег число ловушек, из которых должен освободиться всякий, стремящийся остаться христианином. Здесь и дьявол станет святым, даже Богом; и то, что не в силах неба и земли, возможно в этой палате. Это называется "compositiones"⁷⁹, однако "compositiones" должны вернее называться "confusiones"⁸⁰. О, как жалко выглядят доходы рейнской таможни в сравнении с этой святой палатой!

Пусть не подумает никто, что я преувеличиваю. Это все происходит открыто, и даже в Риме должны признать, что это намного ужаснее доступного человеческому воображению. Я еще не затронул, да и не хочу затрагивать поистине адской кухни частных пороков. Но и, говоря лишь об обычных, повседневных делах, я, тем не менее, не нахожу слов. [Поэтому] епископы, священники и прежде всего университетские доктора, которым за это платят, должны в соответствии со своими обязанностями единодушно писать и вопиять об этом. Но переверни лист — и ты увидишь, что это не так.

Да, остается еще последнее, чего я также должен коснуться. Непомерное корыстолюбие, не довольствуясь всеми этими богатствами, которые наверняка удовлетворили бы и трех могущественных королей, затеяло передачу и продажу этих сделок Фугтеру из Аугсбурга ⁸¹, так что теперь пожалование, обмен, покупка епископств и ленов и любимое дело торговли духовными имуществами попало как раз в надежные руки, в которых сосредоточились как единое целое духовные и светские богатства. Я с удовольствием послушал бы такого высокоразумного человека, который в состоянии представить, что еще новенького может произойти из-за римского корыстолюбия; скорее

всего случится, что Фуггер эти два торговых дела, слившихся в одно, также передаст или продаст кому-нибудь. По моему мнению, в конце концов это и произойдет.

Ведь все, что они похитили в разных странах посредством индульгенций, булл, грамот, касающихся исповеди 82, "удостоверений о масле" и других *confessionalibus* 84, все, что разворовывается и в этот момент, я считаю безделицей, подобной тому, когда попадают в ад, где [лишь] один дьявол. Я имею в виду не то, что все это приносит мало [дохода] (ведь на это можно вполне содержать могущественного короля), а то, что эта безделица не идет ни в какое сравнение с описанным выше денежным потоком. До поры до времени я также умолчу, куда поступают деньги от продажи индульгенций. Об этом я попытаюсь рассказать как-нибудь в другой раз; в Кампофлоре 85, Бельведере 86и многих других местах осведомлены на этот счет предостаточно.

Поскольку такое дьявольское правление — не только открытый грабеж, обман и тирания врат адовых, а и порча тела и души христианства, мы обязаны приложить все усилия, чтобы воспротивиться такому поруганию и разрушению. Раз мы вознамерились сражаться с турками, то начнем там, где они зловреднее всего. Если мы на законном основании вешаем воров и обезглавливаем грабителей, то почему мы должны давать потачку римскому корыстолюбию — величайшему вору и разбойнику из всех существовавших или могущих существовать на земле, — которое прикрывается священными именами Христа и святого Петра? Кто же, в конце концов, в состоянии молча сносить это? Почти все, что имеется в Риме, наворовано и награблено, и это подтверждают все исторические сочинения. Купить все это папа не мог. Ведь его владения настолько обширны, что только за назначения на должности своих служащих он может получить около миллиона дукатов, и это не считая доходов от казначейства и поместий. И Христос со святым Петром не оставили ему наследства, и никто другой не дал и не задолжал ему имущества, и не перешло оно к нему по праву давности. Так скажи же мне, откуда оно могло появиться у него? При этом обрати внимание на то, к чему они стремятся и что имеют в виду, посылая легатов 87 собирать деньги для борьбы с турками.

Хотя я слишком ничтожен для того, чтобы выдвигать предложения, направленные на исправление такого ужасного состояния дел, мне все же хочется разыграть фарс и сказать — насколько хватит моего разумения, — что вполне можно и нужно сделать светской власти и всеобщему Собору.

Во-первых, пусть каждый князь, дворянин, город решительно запретят своим подданным давать в Рим аннаты и вообще упразднят их. Ведь папа нарушил соглашение и превратил аннаты в грабеж, вызвавший упадок и позор всей немецкой нации; он дает [право собирать] их своим друзьям, продает за большие деньги, на которые учреждает должности. Поэтому он потерял на них право и заслуживает наказания. Светской же власти надлежит защищать невинных и противиться бесправию, в соответствии с поучениями святого Павла (Рим. 13) и святого Петра (1 Пет. 2), а также положениями канонического права (16 *qu. 7 de filiis*) 88. Обязанности папы и каждого из его приближенных можно выразить в словах: "tu oga" — "ты должен молиться"; императора и каждого дворянина: "tu protege" — "ты должен защищать"; народа: "tu labora" — "ты должен работать". Это не значит, что каждый не должен молиться, защищать, работать, так как все это: и молитва, и защита, и работа — завещано всем, кто занимается своим делом, — а то, что каждому предопределено особое занятие.

Во-вторых, папа со своими римскими интригами, коммендами 89, адьюториями 90, резервациями 91, *gratiis exspectativis* 92, папскими месяцами, инкорпорациями, союзами, пенсиями, паллиями, канцелярскими инструкциями и тому подобными мошенничествами, не имея на то ни права, ни власти, присоединяет к своим владениям немецкие церковные учреждения и либо раздаривает, либо продает их в Риме иностранцам, которые не делают ничего полезного в немецких землях, а епископства между тем ограничиваются в своих правах. Превращая епископов в нули, в истуканов, папа действует против своего канонического права, против природы и разума. Это в конечном счете приводит к тому, что

приходы и лены из-за откровенного корыстолюбия продаются в Риме только грубым, невежественным ослам и негодьям, в то время как благочестивые, образованные люди не поощряются за их заслуги и знания; а бедный народ немецкой нации приближается к гибели вследствие нехватки подходящих просвещенных прелатов. Поэтому христианское дворянство должно выступить против папы как против всеобщего врага и разрушителя христианства, во имя спасения бедных душ, которые страдают из-за такой тирании. Пусть оно установит, потребует и предпишет, чтобы отныне ни один лен больше не переходил к Риму, ни одного — больше не добивались оттуда разными способами, но чтобы они, освобожденные от тиранической власти, оставались в стране. А для управления наилучшим образом этими ленами в пределах земель немецкой нации епископам должны быть возвращены их права и полномочия. Если же появится какой-нибудь куртизан 96, пусть ему строжайшим образом будет приказано исчезнуть или же броситься то ли в Рейн, то ли в ближайшую реку, чтобы утопить скрепленную печатью римскую грамоту об отлучении в холодной купели; тогда в Риме убедятся, что не на веки вечные потеряли немцы разум от беспробудного пьянства и однажды могут стать христианами, которые почитают Бога и славу Божию больше, чем власть людей, и не захотят терпеть поругания и издевательства над святым именем Христа, под покровом Которого творились такое злодейство и растление душ.

В-третьих, пусть император издаст закон, чтобы отныне утверждение епископов и каких бы то ни было должностей исходило не из Рима, а чтобы было восстановлено решение пресвятейшего и достославного Никейского Собора 97, в соответствии с которым епископ должен утверждаться двумя [епископами] или архиепископом. Если папа намерен порвать решение этого и всех [других] Соборов, то какая тогда польза от Соборов? А может быть, кто-то дал ему власть не придавать значения Соборам и попирает их? В таком случае давайте упраздним всех епископов, архиепископов, примасов, превратим их в простых священников, чтобы над ними возвышался только папа. Ведь все равно он и сейчас решительно не позволяет епископам, архиепископам и примасам пользоваться их законной властью и правами, все присваивает себе, оставляя им лишь имя и бесполезный титул; и это зашло так далеко, что посредством таких его действий епископы отстраняются от предписанной им власти над монастырями, аббатами и прелатами, и поэтому в христианстве не остается даже подобия порядка. А отсюда должно следовать то, что действительно последовало: пренебрежение наказаниями и произвол творить зло во всем мире; так что я, по правде говоря, задумываюсь: не называть ли папу "hominem peccati" 98. Кого другого можно обвинить в отсутствии в христианстве повиновения, наказания, управления, порядка, [кого другого], кроме папы, который собственной неограниченной властью связывает руки всем прелатам, отнимает у них розги, развязывая тем самым руки, даруя или продавая уступки своим приближенным.

Однако, чтобы он не жаловался на ограничение своей верховной власти, нужно установить, чтобы случаи, когда примасы или архиепископы не в состоянии решить дело или когда между ними возникли разногласия, передавались на рассмотрение папы, исключая, конечно, всякие мелочи. Так это делалось в старые времена, и так постановил достославный Никейский Собор. А если что можно решить без папы, то пусть и не обременяют его святейшества такими пустяками, чтобы он мог, как похваляется, опекать все христианство своей молитвой и прилежанием, и заботой, подражая примеру Апостолов, говоривших (Деян. 6): "Не хорошо нам, оставивши слово Божие, пещись о столах; мы постоянно пребудем в молитве и служении слова, а для дел созданы другие". Но в теперешнем Риме царит лишь пренебрежение Евангелием и молитвой и попечение о столах, то есть о земных благах. А апостолы и папское правление сочетаются так же, как Христос с Люцифером 100, небо — с преисподней, день — с ночью; и все-таки римский первосвященник называет себя викарием Христа и преемником апостолов.

В-четвертых, пусть будет установлено, чтобы любое светское дело, в соответствии с каноническим правом, которое не соблюдается, рассматривалось светской властью, а не

передавалось в Рим. Ведь служение папы должно заключаться в том, что он — начитаннейший в Писании, и в действительности, а не по должности, пресвятейший — управляет делами, относящимися к вере и святой жизни христиан; наставляет в этом примасов и архиепископов и с ними вершит дела и несет заботы — в соответствии с поучением святого Павла (1 Кор. 6), — и строжайшим образом наказывает их, если они вмешиваются в светские дела. Ведь всем странам наносится невосполнимый урон тем, что в Риме решают такие [светские] дела, связанные с большими издержками. К тому же эти судьи не знают нравов, законов, обычаев [той или иной] страны, а потому при решении дел зачастую руководствуются своими законами и личным мнением, что приводит к произволу по отношению к тяжущимся сторонам.

При этом также нужно запретить во всех церковных учреждениях отвратительные злоупотребления официалов 101, пусть они занимаются делами, относящимися к вере и улучшению нравов, и предоставляют светским судьям все, что касается денег, имущества и личности или чести. А светская власть, в случаях, когда не затрагивается вера или добронравная жизнь, не должна допускать отлучений и преследований. Духовная власть должна распоряжаться духовными ценностями, как этому учит разум; духовные же ценности — это не деньги и не преходящие блага, а вера и добрые дела.

Впрочем, можно допустить, чтобы дела, относящиеся к ленам или приходам, рассматривались епископами, архиепископами, примасами. К тому же, если нужно будет уладить раздоры и войны, примас Германии может возглавить обще [германскую] консисторию 102, включающую в себя ученых-юристов и чиновников и действующую как *signatures gratiae et iustitiae* 103 в Риме. В эту консисторию посредством апелляций должны постоянно поступать для рассмотрения дела из немецких земель, а должностных лиц нужно вознаграждать не как в Риме, т. е. подарками и приношениями, из-за чего они привыкают торговать правом и бесправием. Именно так они вынуждены сейчас поступать в Риме: папа не дает им никакого вознаграждения, позволяя им самим кормиться подарками. Ведь в Риме никого нисколько не беспокоит, что законно, а что незаконно, там думают лишь о том, что приносит деньги, а что — нет! [Должностных лиц консисторий можно вознаграждать] за счет аннатов или придумать какой-нибудь иной путь; но это я предоставляю другим, более разумным и более опытным в делах, чем я. Я хотел только привлечь внимание и дать повод для размышления тем, которые могут и стремятся к тому, чтобы помочь немецкой нации вновь стать христианской и свободной от жалкого, языческого и нехристианского правления папы.

В-пятых, чтобы отныне никакие резервации 104 не имели силы и чтобы ни один лен больше не захватывался Римом ни в случае смерти владельца, ни при возникновении тяжбы, ни [при условии], что он [раньше] принадлежал кардиналу или кому-нибудь из папской челяди. И пусть строго предпишут и проследят за тем, чтобы ни один куртизан не начинал тяжбы ни из-за какого лена, не вызывал [в суд] благочестивых священников, не мучил и не изгонял их посредством денежных взысканий. А если в Риме в таких случаях прибегнут к отлучению или духовному принуждению, пусть это презирают, как отлучение жулика, которому не позволяют воровать. Да, их нужно строго карать за то, что они так преступно злоупотребляют отлучением и именем Божьим, усиливают свой разбой и лживыми, беспочвенными угрозами хотят довести нас до того, чтобы мы терпели и восхваляли такое поношение имени Божьего и злоупотребление христианской властью, становясь перед Богом соучастниками их мошенничеств, в то время как мы обязаны противиться им во имя Божие, в соответствии с высказыванием святого Павла (Рим. 1): "Делающие такие дела достойны смерти не только за то, что их делают, но и делающих одобряют" 105. Однако прежде всего нетерпимо лживое *reservatio pectoralis* 106, которое позорно подвергло публичному бесчестию и издевательствам христианство, ибо его глава у всех на виду распространяет ложь и ради проклятых денег и [земных] благ бесстыдно обманывает и дурачит [каждого].

В-шестых, пусть также будут упразднены *casus reservati*, оговоренные случаи 107, посредством которых у людей не только вымогается уйма денег, но и многие несчастные

души вводятся лютым тираном в соблазн и заблуждение, что влечет за собой невосполнимый ущерб для их веры в Бога. В особенности же это касается забавных детских проделок, по поводу которые они сгущают краски в булле "In coena Domini" 108, но которые нельзя рассматривать даже как повседневные грехи. Что же говорить о таких значительных проступках, которые не прощаются никаким папским отпущением, например: создание препятствий для паломничества в Рим, продажа туркам оружия, подделка папских посланий? Ну разве не водят они нас за нос при помощи такого грубого, нелепого, неловкого шарлатанства? Содом и Гоморра и все прегрешения против Божественных заповедей, которые совершались и могут быть совершены, не относятся к *casus reservati*, но то, чего Бог не заповедал и что они сами выдумали, может считаться *casus reservati*, лишь бы никому не препятствовали доставлять в Рим деньги, лишь бы, защищенные от турок, [папа и его сторонники] наслаждались жизнью, подчиняя мир своей тирании при помощи пустых, бесполезных булл и посланий.

Поэтому справедливо было бы сделать это свидетельство достоянием всех священников или ввести всеобщий порядок, при котором ни один тайный, сокровенный грех не считался бы "оговоренным случаем", но чтобы каждый священник был вправе отпускать всяческие грехи, как бы они ни назывались, когда были тайными; и чтобы вместе с тем ни аббат, ни епископ, ни папа не обладали властью прибегать к оговоркам при рассмотрении какого-нибудь греха. Если они станут это делать, то не стоит придавать этому никакого значения, а они пусть будут подвергнуты наказанию, как вторгающиеся без позволения в область Божьего Суда и беспричинно губящие и отягощающие бедные, неразумные души. В случаях же тяжкого, открытого греха, особенно против заповедей Божьих, есть, конечно, основания для *casus reservati*, но также не для слишком многих, и не по собственном произволу, без причины. Ведь Христос, как свидетельствует святой Петр (1 Пет. 5), назначил в Своей Церкви не тиранов, а пастырей.

В-седьмых, пусть римский престол упразднит оффиции, уменьшит число пресмыкающихся и лебезящих в Риме, а папская челядь пусть содержится за счет средств самого папы; и двор его не должен превосходить пышностью и расточительством дворы всех королей, ибо такой образ жизни не только не служит делу христианской веры, но и препятствует ученым занятиям и молитве до такой степени, что они сами уже почти не знают, что говорить о вере. Это они бесцеремонно подтвердили на последнем римском Соборе 109, где наряду с принятием многих детских легкомысленных статей было также решено, что душа человеческая бессмертна и что священник по меньшей мере раз в месяц обязан молиться, если он не хочет потерять свой лен. Как могут судить о христианстве и делах веры закоснелые люди, которые, ослепнув от чрезмерного корыстолюбия, богатства и светской роскоши, только теперь впервые постановляют, что душа бессмертна? Немалым позором для всего христианства является то, что в Риме так оскорбительно обходятся с верой. Если бы у них было меньше богатств и роскоши, они могли бы больше учиться и молиться, чтобы стать достойными и способными к решению дел, касающихся веры. Ведь такими они были в старые времена, когда стремились быть епископами, а не королями всех королей.

В-восьмых, пусть будут упразднены тягостные, мучительные клятвы, к которым папа безо всяких на то оснований принуждает епископов, чтобы подчинить их себе как рабов, и что по его собственному произволу и великому недоразумению установлено в негодной, невежественной главе "Significasti". Разве недостаточно обременять наше имущество, тело и душу многими безумными законами, посредством чего ослаблена вера и пришло в упадок христианство? Они, кроме того, поработили личность, ее службу и работу, [присвоили] инвеституру, [правом] которой раньше обладали немецкие императоры и еще ныне обладают короли Франции и некоторых [других] королевств. Из-за инвеституры они вступали с императорами в ожесточенные войны и распри, длившиеся до тех пор, пока не захватили ее посредством наглого насилия, и удерживают до настоящего времени, как будто изо всех христиан на земле одни немцы должны быть козлами отпущения для папства и

римского престола и сносить то, чего уже никто не хочет ни терпеть, ни допускать. И поскольку эти действия представляют собой неприкрытое насилие и разбой, препятствуют законной епископской власти и наносят вред бедным душам, император со своим дворянством обязан защитить их от такой тирании и покарать ее.

В-девятых, пусть папа не имеет над императором никакой власти, кроме [права] помазывать его перед алтарем и короновать, как епископ коронуется королем, и отныне пусть никогда не допускается дьявольское чванство — чтобы император целовал ногу папе, или преклонял перед ним колени, или, как рассказывают, держал стремя и уздечку его мула, когда он садится в седло, отправляясь на прогулку; и тем более пусть он не клянется папе в благоволении и верноподданничестве, чего бесцеремонно требуют папы, как будто бы они имеют на это право. И глава "Solite", в которой папская власть превозносится над императорской властью, не стоит и одного геллера, как и все те, кто ссылается на нее или трепещет перед ней, поскольку в ней не содержится ничего, кроме подавления священного слова Божия и вытеснения его истинного смысла собственными домыслами, как я это показал в сочинении, написанном на латинском языке 113.

Такие чрезмернейшие, высокомернейшие, незаконнейшие затеи папы придумал дьявол, чтобы приблизить время антихриста и вознести папу выше Бога, для чего уже многое делалось и делается. Но не подобает папе возвышаться над светской властью, исключая лишь духовное служение, к которому относятся проповедь и отпущение грехов. В других же делах он должен быть ниже, как учат Павел (Рим. 13) и Петр (1 Пет. 3), что было уже отмечено мною. Он наместник не Христа на небесах, но только — Христа на земле. Ведь Христос на небесах, в царствующем образе, не нуждается ни в каком наместнике, но восседает, созерцает, творит и может все. Папа должен был бы подражать Тому Христу — служителю, Который был на земле: Его трудам, проповедям, страданиям и смерти. А они все извратили: отняли у Христа небесный царственный образ и наделили им папу, предав образ служителя полному забвению. А между тем папу, скорее, следует считать врагом Христовым, называемым в Писании "антихристом". Ведь вся его сущность, все его дела и начинания противоречат Христу и лишь разрушают и уничтожают смысл деяний Христовых.

Смешным и ребяческим представляется и то, что папа, прибегая к подтасовкам, похваляется в своих декретах "Pastoralis" 114, будто бы он законный наследник осуждающегося императорского престола. Кто позволил ему это? Уж не Христос ли, Который изрек: "Господин язычников — князь, но так не должно быть между вами" 115. А может, он унаследовал такие притязания от святого Петра? Меня также возмущает, что бесстыдная, грубая, невероятная ложь, дьявольское измышление, содержащееся в каноническом праве, навязывается нам как христианское учение. А такой фальшивки, как *De donatione Constantini* 116, и свет не видывал! Это, должно быть, особая кара Божия, что многие разумные люди поддаются внушению и верят написанному, хотя ложь настолько примитивна, что, мне думается: пьяный крестьянин — и тот смог бы соврать более ловко и умело. Разве можно совместить с управлением империей проповедь, молитву, ученые занятия, заботу о бедных, то есть такие обязанности, которые непосредственным образом касаются папы? Ведь Христос строго-настрого запретил владеть имуществом и деньгами и управлять даже одним-единственным домом тем, кто притязает на такое служение (Мф. 10, 10). А папы хотят управлять империей, оставаясь при этом папами. Все это происки мошенников, которые, прикрываясь папским титулом, не прочь стать господами над миром и посредством папской власти и имени Христова вновь восстановить в прежнем виде разрушенную Римскую империю.

В-десятых, пусть папа умерит свой аппетит и не точит зубы на чужой каравай — не присваивает себе никаких титулов королевств Неаполитанского и Сицилийского 117. Обладая на них такими же правами, как и я, он тем не менее хочет быть их ленным владыкой. Это разбой и произвол. [И таким путем] приобретены почти все его владения. Поэтому император не должен позволять ему [захватывать] такие лены, а если это произойдет, не одобрять более, но, сославшись на Библию и молитвенник, указать, что он

должен предоставить светским властям право управления странами и землями, в особенности теми, которых ему никто не давал, а его дело — проповедь и молитва.

Такой подход должен также соблюдаться по отношению к Болонье, Имоле, Виченце, Равенне и всему, что папство захватило при помощи насилия в Анконе, Романье и многих землях Италии. [Всеми этими] землями оно владеет не по праву, к тому же вмешивается в их дела, что противоречит всем заповедям Христа и святого Павла. Ведь святой Павел сказал: "Никто да не вмешивается в дела житейские, кто должен блюсти Божественное воинство" 118. А папа, который должен быть главой и первым в этом воинстве, занимается светскими делами больше, чем какой бы то ни было император или король. Значит, нужно помочь ему избавиться от этого и дать возможность блюсти свое воинство. Христос, наместником Которого провозглашает себя папа, не хотел иметь никаких дел со светским правлением и сказал требовавшему у него осуждения брата своего: "Кто поставил меня судьей?" 119. Папа же, не внемля увещаниям, вторгается в светское правление, как Бог берется за все дела, совсем забывая о Христе, наместником Которого он себя объявляет.

В-одиннадцатых, пусть будет прекращен обряд целования ног у папы. И то, что жалкий, грешный человек дает целовать свою ногу тому, кто во сто раз лучше его — это образец нехристианских, более того — дьявольских нравов. Если это творится из-за уважения к власти, то почему тогда папа не делает того же по отношению к другим, ради почитания святости. Сравните их: Христа и папу. Христос омыл и отер ноги Своим ученикам, а ученики никогда не омывали Ему ног. Папа, как стоящий выше Христа, переиначивает это и, позволяя целовать свою ногу, выдает это за великую милость. Да если даже кто-то и добивался бы от него этого, то нужно было бы противиться этому изо всех сил, подражая святому Павлу и Варнаве, которые, не позволив в Листре почитать себя как богов, сказали: "Мы — подобные вам человеки" 120. А наши льстецы сотворили нам идола. И это привело к тому, что перед Богом трепещут меньше, чем перед папой, и никто не воздает Ему таких почестей, [как папе]. И ни в коем случае не допускается умаление папского величия. Если бы они были христианами и почитали славу Божию более, чем свою, то папа не радовался бы, замечая, что слава Божия пренебрегается, а его собственная увеличивается, и никому не позволил бы восхвалять себя и добился бы того, чтобы слава Божия вновь воссияла и стала ярче его славы.

Это чудовищное, возмутительное высокомерие достигло таких пределов, что папа уже не довольствуется ездой верхом или в карете, но, хотя он вполне крепок и здоров, заставляет людей нести себя, как идола, с неслыханным великолепием. Любезный, как же сравнивать такое люциферовское чванство с образом жизни Христа, Который ходил пешком наравне со всеми своими апостолами? И был ли где-нибудь светский правитель, который выезжал бы так по-светски и с такой пышностью, как выезжает тот, кто хочет быть главой всех презирающих светское великолепие и избегающих его, то есть христиан? Это, конечно, не значит, что мы особенно беспокоимся о нем самом, [т. е. о папе]. Но если мы станем льстить такому высокомерию и не будем проявлять своего негодования, то праведный гнев Божий не минет и нас. Мы сыты по горло папскими неистовствами и безумством и хватит одобрять их и способствовать им.

А какие чувства может или должен испытывать христианин при виде папы, который во время причащения преспокойно восседает, как вельможный дворянин, и принимает Причастие, подаваемое ему коленопреклоненным кардиналом на позолоченном тростнике, как будто бы Святое Причастие недостойно того, чтобы папа — жалкий, смрадный грешник — стоя воздал хвалу своему Господу; в то время как все другие христиане, которые намного святее пресвятейшего отца — папы, принимают Причастие с величайшим благоговением! Поэтому не стоит удивляться, если Бог покарает всех нас, примирившихся с Его поношением, восхваляющих наших прелатов. Ведь наша робость и наша лесть способствуют их проклятому высокомерию.

Теперь посмотрим на папу, когда он несет Святые Дары в процессии: несут его, а Святые Дары стоят перед ним, как кубок с вином, на столе. Короче говоря: Христос в Риме

— ничто, папа — все. А нас между тем уговаривают и принуждают, вопреки Богу и всему христианскому учению, одобрять, восхвалять и почитать такой противохристианский обычай. Да поможет Бог свободному Собору указать папе, что он тоже человек, а не Бог, подчиненный Самому Себе.

В-двенадцатых, пусть будут упразднены паломничества в Рим или пусть никому не разрешается отправляться туда ради любопытства или показного благочестия; разве что предварительно его священник, город или господин признают, что для паломничества имеются веские и добропорядочные основания. Я говорю это не потому, что паломничество — зло, но потому, что в наше время оно способствует порче нравов. Ведь в Риме паломники видят не добронравие, а лишь суетные соблазны. И они сами сложили поговорку: "Чем ближе Рим, тем порочнее христиане". Оттуда приносят они пренебрежительное отношение к Богу и к Божьим заповедям. Говорят, что кто впервые отправляется в Рим, ищет там соблазна, во второй раз он его находит, в третий раз — приносит его с собой. А сейчас они так наловчились, что намеченное на три паломничества осуществляют в течение одного и, воистину, доставляют нам из Рима такие штучки, что лучше было бы, если бы они никогда не видели Рима и не знали о нем.

Но даже если бы и не было этих штучек, все-таки остается еще самое существенное, а именно то, что простодушных людей паломничества приводят к обманчивым упованиям и к неверию в Божьи заповеди. Ведь они считают, что такое паломничество представляет собой полезное, доброе дело, но это не так. Оно — доброе дело лишь в ничтожной степени, а свершаемое многократно — злое, вводящее в соблазн занятие, потому что Бог не заповедал его. Заповедал же Он, чтобы муж заботился о своей жене и детях и обо всем, что подобает пребывающему в браке, и при этом еще служил и помогал своим ближним. А в наше время бывает, что свершающий паломничество в Рим расходует от пятидесяти до ста или более гульденов ради того, чего ему никто не предписывал, а его жена и дети или кто-то из его ближних в это время дома терпят нужду. Неразумный же муж считает, что он может искупить свое непослушание и пренебрежение Божьими заповедями предпринятым самовольно паломничеством, тогда как на самом деле оно — праздное любопытство или дьявольский соблазн. Папы поощряют [паломничество] и тем, что провозглашают дурацкие "золотые годы". Тем самым они будоражат народ, отвлекают его от Божьих заповедей, прельщая своими собственными порочными затеями, осуществляя то, что должны были бы запретить. Но это приносит деньги и укрепляет ложную власть, а потому-то они продолжают свои затеи, даже если последние направлены против Бога или святости душ.

Чтобы искоренить такую ложную веру, вводящую в соблазн простых христиан, и вновь установить истинное понимание добрых дел, нужно отказаться от всяческих паломничеств, так как в них нет ничего хорошего — ни следования заповеди, ни послушания, — а лишь бесчисленные поводы к прегрешению и пренебрежению Божьими заповедями. Отсюда — и такое множество нищих, которые во время паломничеств беспрестанно занимаются жульничеством, без нужды учатся попрошайничать и привыкают к этому.

Отсюда берут начало также бродяжничество и столько бедствий, что я сейчас не в состоянии перечислить все это. Но отныне тому, кто захочет идти на поклонение или дать обет паломничества, подобало бы предварительно указать мотивы своему священнику или господину. Если окажется, что в основе этого — стремление свершить "доброе дело", то пусть этот обет и это "дело" будут без раздумий отклонены священником или господином, как дьявольское наваждение, а паломнику пусть будет указано, что деньги и усилия, связанные с паломничеством, должны быть использованы во имя выполнения Божьих заповедей и ради свершения в тысячу раз лучших дел, а именно: для содержания его семьи и для помощи нуждающимся ближним. Если же он [пускается в путь] из-за любознательности, чтобы увидеть страны и города, то это можно предоставить на его усмотрение. Но если он, заболев, дает обет совершить паломничество, то надо освободить его от этого обета. И, возвеличивая Божьи заповеди, надо переубедить [паломника], чтобы он довольствовался данным при крещении обетом соблюдения Божьих заповедей. Правда, чтобы успокоить его

совесть, можно позволить ему единожды исполнить несуразный обет. Ведь никто не хочет держаться столбовой дороги Божественных заповедей; каждый проторивает себе новый путь и [создает новые] обеты, как будто бы все Божьи заповеди уже выполнены им.

В-тринадцатых, коснемся великого множества тех, которые, давая много обетов, исполняют лишь немногие. Не гневайтесь, любезные господа, я говорю об этом с благими намерениями. Эта горькая и вместе с тем сладкая истина заключается в том, чтобы отныне не позволять больше строить нищенствующие монастыри; помилуй Боже, их и так слишком много. Да, то воля Божья, чтобы все они были упразднены или сохранены в двух-трех местах. Ничего хорошего не приносит и никогда не приносило бродяжничанье по стране с протянутой рукой. Поэтому я советую объединить десять [монастырей], или сколько необходимо, в один, достаточно обеспеченный, который не смел бы заниматься нищенством. Ведь так будет намного основательнее предусмотрено все необходимое для святости общины, чем это установили святые Франциск 122, Доминик 123, Августин 124 или кто бы то ни было. К тому же эти установления не соблюдались.

И пусть монахи больше не проповедуют и не исповедуют, за исключением случаев, когда их позовут и попросят об этом епископы, священники, община или власти. Ведь такие проповеди и исповеди вызывают лишь суетную вражду и зависть между священниками и монахами, а среди простого народа возникают раздоры и волнения. Упразднить это — правильная и своевременная [мера], а потому она может быть рекомендована. Представляется, что умножение этих полчищ [монахов] римским престолом не останется без последствий; духовенство и епископства, выведенные из себя его тиранией, однажды настолько усилятся, что начнут Реформацию, которую его святейшество не вынесет.

К тому же должны быть упразднены и многочисленные секты и группировки в одном и том же ордене, которые иногда возникают по совершенно ничтожным поводам и еще большими мелочами поддерживаются в борьбе, ведущейся с невыразимой ненавистью и завистью, в то время как христианская вера, достаточно прочная и безо всех этих словопрений, приходит в упадок в двух [враждующих] станах. Праведную же христианскую жизнь сводят к внешним законам, делам и поведению, следствием чего является лишь лицемерие и порча душ; и это наблюдает каждый.

Следует также запретить папе учреждать или утверждать новые ордена; кроме того, он должен отдать распоряжение, чтобы некоторые из них упразднили или свели к меньшему количеству, поскольку христианская вера, которая сама по себе —высшее благо, не зависящее от поддержки любых орденов, подвергается немалой опасности из-за того, что люди легко вводятся в заблуждение многочисленными делами и обрядами и начинают уделять большее внимание этим делам и обрядам, чем вере. И если в монастырях нет мудрых прелатов, которые отдадут предпочтение вере перед орденскими уставами, то невозможно, чтобы орден не совратил и не ввел в соблазн неискушенные души, которые уделяют внимание лишь делам.

Однако сейчас, в наше время, почти повсюду исчезли прелаты, похожие на тех, которые основывали ордена, придерживаясь веры. В старину дети Израилевы вскоре после смерти патриархов, познавших деяния и чудеса Божьи, из-за непонимания Божественного промысла и веры начали обучать своих детей идолопоклонству и [превозносить] свои, человеческие дела. И сейчас некоторые [монашеские] ордена, к несчастью, перестав понимать Божественные деяния и веру, стоически изводят себя своими собственными правилами, уставами и распорядками, стараются и трудятся, и все же никак не могут приблизиться к истинному пониманию духовной, праведной жизни, как возвестил Апостол (2 Тим. 3), говоря: "Они будут иметь вид благочестия и ничего более; [они] всегда учащиеся и никогда не могущие дойти до познания того, что такое истинно духовная жизнь"¹²⁵. Поэтому в тех местах, где нет осененного Духом, осведомленного в делах христианской веры настоятеля, лучше вообще не учреждать ни одного монастыря. Ведь иные [настоятели] приносят своим управлением только вред и гибель, усиливающиеся в такой степени, в какой они усердствуют в святой и праведной жизни, выражающейся в их внешних делах.

По моему мнению, следовало бы, особенно в наше тревожное время, восстановить в устройстве духовных учреждений и монастырей тот порядок, который был вначале введен Апостолами и сохранялся долгое время после них. Тогда каждый мог свободно оставаться в любом из них, сколько ему заблагорассудится. Ведь чем иным были духовные заведения и монастыри, как не христианскими школами, где учили [пониманию] Писания и христианскому послушанию и где воспитывали людей для управления и проповеди? [Из книг] мы узнаем, что святая Агнесса 126 училась в школе. Такое же можно еще и сейчас видеть в некоторых женских монастырях, например в Кведлинбурге и других местах. Воистину, все духовные учреждения и монастыри должны быть настолько свободными, чтобы служить Богу добровольным, а не принудительным служением.

Но впоследствии [монастыри] превратили в вечную тюрьму, навязав им обеты, которые почитаются больше, чем Крещение. А какие плоды это приносит, мы видим, слышим, читаем и узнаем день ото дня все чаще и чаще. Я хорошо понимаю, что этот мой совет можно расценивать, как совершенно неразумный, но это меня сейчас не волнует. Я предлагаю то, что мне кажется полезным; кому не угодно — пусть [мои предложения] отвергнет. Я достаточно насмотрелся на то, как соблюдаются обеты, особенно [обет] целомудрия, обязательный для монастырей и вместе с тем Христом не заповеданный, а предназначенный лишь для немногих, как свидетельствует Он сам и святой Павел 127. Я очень хотел бы помочь каждому не отягощать свою христианскую душу человеческими, произвольно придуманными правилами поведения и уставами.

В-четыренадцатых, мы видим также, как происходит порча духовенства и [как] некоторые бедные священники, обремененные сожительницами и детьми, отягощают свою совесть 128, и все-таки никто не пытается им помочь, хотя помочь стоило бы. Если папа и епископы предоставляют это воле случая, позволяя погибать тому, что погибает, то я, стремясь спасти свою совесть, хочу свободно высказаться и, несмотря на возмущение папы, епископов или кого бы то ни было, сказать следующее. По установлениям Христа и Апостолов в каждом городе должен быть приходской священник или епископ. Об этом однозначно пишет Павел (Тит., 1). Этот священник не принуждается жить без законной жены и может жениться. Ведь святой Павел провозглашает (1 Тим., 3 и Тит., 1): "Епископ должен быть непорочен, одной жены муж, детей содержащий в послушании со всякою честностью". А у святого Павла священник и епископ одно и то же, как это удостоверяет святой Иероним 129. Теперешние же епископы, о которых Писание не упоминает, утверждаются в соответствии с общепринятыми в христианстве правилами, чтобы распорядиться многими священниками.

Таким образом, Апостол недвусмысленно показывает нам, что организация христианства должна быть следующей: жители каждого города из своей среды выбирают образованного, благочестивого горожанина, поручают ему пастырское служение и содержат его за счет общины, предоставляя на его свободное усмотрение, жениться ему или нет. При нем должно быть несколько духовных лиц, или диаконов, которые также по собственному желанию могут и жениться, и оставаться холостыми. Они помогают воспитывать прихожан и общину посредством проповедей и Таинств, как это сохранилось доньше в Греческой Церкви. Сохранилось, несмотря на то, что были неоднократные преследования еретиков и споры с ними; и многие святые отцы добровольно отказывались от брачного состояния, чтобы учиться с большим прилежанием и в любое время быть готовыми к смерти и к борьбе.

Но римский престол эти исключения произвольно возвел в ранг всеобщей заповеди и запретил духовному сословию вступать в брак. Такое ему внушил дьявол. А святой Павел предвидел это (1 Тим., 4): "Придут учителя и принесут дьявольское учение, запрещающее вступать в брак" 130 и т. д. Из-за этого, к несчастью, возникло столько бедствий, что их и не описать. Этим Греческой Церкви был дан повод для отделения 131; к тому же, как происходит со всем, что затевает и творит дьявол, умножились до бесконечности раздоры, прегрешения, бесчестие и соблазны. Так что же нам делать?

Я советую вновь сделать свободным и предоставить на усмотрение каждого отдельно

взятого духовного лица вступление в брак или безбрачие. Но в этом случае должно значительно измениться [духовное] правление и порядок [владения духовными] имуществами; все каноническое право нужно предать забвению, да и количество ленов, отходящих к Риму, должно быть сокращено. Я думаю, что причиной установления жалкого, нецеломудренного целомудрия [духовенства] было корыстолюбие, которое ведет к тому, что каждый хочет стать священником и каждый готовит к этому своих детей, но не с намерением вести целомудренную жизнь — этого можно достичь и без принадлежности к духовному сословию, — а лишь ради преходящей святости, достигнутой без труда и забот, что противоречит заповеди Божьей (Быт. 3): "В поте лица твоего будешь есть хлеб". [Но это изречение духовенство] истолковало так, что будто бы его работа — молитвы и мессы.

Я не касаюсь здесь папы, епископов, аббатов, священников и монахов, [служение] которых Бог не заповедал. Если они сами возложили на себя бремя, то пусть и несут его. Мне хочется поговорить [только] об учрежденном Богом служении проповедников, которые должны посредством проповедей и Таинств наставлять общину, жить в одном месте с прихожанами и содержать дома свои. А христианскому Собору надлежит предоставить им право свободного вступления в брак, во избежание соблазнов и прегрешений. Ведь если Бог не обязывал их [оставаться холостыми], то никто — даже уподобившийся ангелу небесному, не говоря уже о папе, — не должен и не может никого из них принуждать [к целибату]. И то, что, вопреки этому, установлено в каноническом праве, — всего-навсего басня и благоглупость. Далее советую я, чтобы отныне тот, кто посвящается в проповедники или вообще [принимает духовный сан], ни в коем случае не давал епископу обета блюсти целомудрие, а, напротив, возражал ему, что принуждать к такому обету — не в его власти и что подобные действия — дьявольская тирания. Если же он, [давая обет целомудрия], должен или хочет, как некоторые, добавить: *quantum fragilitas humana permittit* 132, — то каждое из этих слов следует понимать как свободное *negative, id est: pop promitto, castitatem* 133, потому что *fragilitas humana non permittit caste vivere* 134. Ведь только *angelica fortitudo et coelestis virtus* 135, благодаря чему он сохраняет незапятнанной совесть и безо всяких обетов.

Я не хочу ни советовать, ни запрещать каждому отдельно взятому [священнику], у которого еще нет жены, ни вступать в брак, ни оставаться в безбрачии; пусть он придерживается общепринятого христианского порядка и своего собственного доброго разума. Но от страждущей общины я не намерен скрывать свой доверительный совет. Я не хочу воздерживаться и от утешения тех, кто, связанный по рукам и ногам сожителями и детьми, переживает позор и муки совести из-за того, что их поносят как "поповских наложниц" и "поповских детей", — и открыто скажу, по своему праву придворного шута, следующее.

Можно встретить многих благочестивых священников, которых тем не менее никто не считает добродетельными, потому что по своей слабости они вступили с женщиной в связь, расцениваемую как позор, хотя в глубине сердца они решили навсегда остаться рядом в истинной супружеской верности. И если они смогли следовать этому с чистой совестью, невзирая на публичные насмешки, то, воистину, их брак угоден Богу. И я считаю, что если они приняли такое решение и живут вместе, то, да спасут они совесть свою: пусть священник считает ее законной женой, заботится о ней и вообще добропорядочно живет с ней как законный супруг, невзирая на одобрение или несогласие папы и несоответствие духовному или светскому закону. [Вступление в брак] больше зависит от святости твоей души, чем от тиранических, самовластных, кощунственных законов, которые и для святости не нужны, и Богом не заповеданы. И нужно действовать, как дети Израилевы, которые похитили у египтян причитающуюся им плату 136, или как раб, укравший у своего злонамеренного господина заработанное 137; точно так же похищай и ты у папы свою законную жену и детей.

У кого есть вера, чтобы решиться на это, пусть смело следует за мной; я не обману его. Если я не имею такой власти, как папа, то все же во власти моей, как христианина, помочь

своему ближнему и дать обоснованный совет, касающийся его грехов и опасений. Во-первых, не каждый священник может обойтись без жены, которая [нужна ему] не только как женщина, но в гораздо большей степени ради ведения домашнего хозяйства. В состоянии ли он взять в услужение женщину, как ему позволяет папа, не вступая с ней в брачные отношения? Что же это творится? Оставляют вместе мужчину и женщину и в то же время предохраняют их от падения. Не равнозначно ли это тому, чтобы, соединив солому с огнем, запретить им дымиться и гореть? Во-вторых, папа не властен запретить это, точно так же, как не в его власти запретить есть, пить, отправлять естественные надобности или прибавлять в весе. Поэтому никто не обязан [соблюдать безбрачие], а папа несет ответственность за все грехи, которые отсюда следуют, за все потерянные вследствие этого души, за корчащуюся в муках совесть [людей], сбитых им с толку. И было бы правильным, если бы уже давно его кто-нибудь изгнал бы из мира. Ведь он толкнул бесчисленное множество душ на путь дьявольской гибели, хотя я надеюсь, что ко многим из них Бог на том свете будет милостивее, чем папа в их земной жизни. Не было еще и никогда не будет ничего хорошего от папства и от его законов. В-третьих, несмотря на папский закон и вопреки ему, браки все же заключаются, — с его законом уже покончено и он не имеет никакого значения. Ведь заповедь Божья о том, что никто не должен разлучать мужчину с женщиной (Мф. 19, 6), намного превосходит папский закон, и нельзя ради папского приказа предать забвению заповедь Божью, хотя многие выжившие из ума юристы совместно с папой выдумали *impedimenta* 138, при помощи которых, упразднив заповедь Божью, усложнили, запутали и затруднили брачное состояние. Что тут можно сказать? Разве во всем папском духовном законодательстве найдется хотя бы две строки, которые могли бы направить на путь истинный благочестивого христианина, и разве в нем, к несчастью, нет такого множества ошибочных и опасных предписаний, что лучше всего было бы бросить их в навозную кучу.

Но если ты скажешь, что [вступление в брак] вызовет возмущение и что предварительно нужно получить диспенсацию 139 у папы, то я отвечу, что возмущаться нужно действиями римского престола, который без права и вопреки Богу установил такой закон. А Бог и Священное Писание не осуждают вступление в брак. К тому же, если папа может освободить за деньги от своих корыстолюбивых, тиранических законов, то тогда и каждый христианин может дать такое же освобождение ради Бога и спасения души. Ведь Христос освободил нас от всех человеческих законов, в особенности, если они направлены против Бога и спасения души, как учит святой Павел (Гал., 5 и 1 Кор., 9).

В-пятнадцатых, я не забыл и о бедных монастырях. Злой дух, который в наше время сбивает с пути истинного все сословия человеческими законами и делает их невыносимыми, почил также на некоторых аббатах, аббатисах и прелатах, и они, подобно всем мучителям — подручным дьявола, так управляют своими братьями и сестрами [во Христе], что те скоро прямым путем попадут в ад и будут влачить там жалкое существование. Они приписали себе [право] исповедовать все или только некоторые сокровенные смертные грехи, которые ни один брат не может отпустить другому, связанный обетом послушания и из-за опасения быть отлученным. А сейчас во всех монастырях можно найти не только ангелов, но и [людей] во плоти, которые скорее претерпят все отлучения и угрозы, чем захотят покаяться в своих сокровенных грехах прелатам и некоторым духовникам; затем с такой совестью они идут к Причастию, вследствие чего становятся *irregulares* 140 и ввергаются в еще большую скорбь. О, слепые пастыри, о, потерявшие разум прелаты, о, хищные волки!

В таком случае я говорю: если грех совершен открыто или стал известным, то лишь одному прелату подобает налагать епитимью 141 и лишь эти и никакие другие [грехи] он может исповедовать и отпускать. Над сокровенными прегрешениями у него нет власти, хотя бы это были тягчайшие из всех существующих грехов. И если прелат их отпускает, то он — тиран, не имеющий на это права и вторгающийся в Суд Божий. Поэтому я советую этим чадам — братьям и сестрам: если начальствующие не дают разрешения исповедаться в сокровенных грехах тому, кому ты хочешь, то решишь на это сам и покайся своему брату или

сестре, кому угодно, — пусть дадут тебе отпущение и утешение, а затем иди и делай, что захочешь и что надо, и твердо верь в то, что ты освобожден от греха и что он не довлеет над тобой. А отлучение, исключение из ордена и другие кары пусть тебя не тревожат и не вводят в заблуждение; они распространяются не далее, чем на совершенные открыто или на ставшие известными грехи, в которых некоторые не хотят признаваться. Но тебя это не касается. Что же ты берешь на себя, слепой прелат, намереваясь своими угрозами бороться с сокровенными грехами? Оставь то, чего ты не можешь оберегать открыто, пусть Суд и Милость Божий тоже коснутся [чад] твоих. Ведь он поручил их тебе не настолько, чтобы самому не иметь на них никакого влияния. Нет, твоя власть далеко не беспредельна; пусть твой статут остается статутом, но не переноси его на небеса, в [область] Суда Божия!

В-шестнадцатых, нужно было бы также совершенно упразднить или, по крайней мере, сократить юбилейные годы, праздники в честь святых и заупокойные мессы, потому что, как мы видим, их превратили в насмешку и проводят только ради денег, обжорства и пьянства. А это несказанно гневит Бога. И вряд ли ублаговоряют Бога, когда [во время] убогих ночных богослужений и месс [слышится] лишь жалкое бормотание и монотонное пение, но нет ни чтения, ни молитвы, а если и проводят моление, то не из-за бескорыстной любви к Богу, а ради денег и по обязанности. Но ведь это немыслимо, чтобы Бог был ублаговорен или у Него можно было бы чего-нибудь добиться при помощи действия, свершаемого не из чувства бескорыстной любви. И будет по-христиански, если мы упраздним или, по крайней мере, сократим все, что, как мы видим, стало употребляться во зло и более гневит, чем умиливляет Бога. Для меня было бы отрадней, Богу угодней, а для всех намного лучше, если бы духовные учреждения, церкви или монастыри собрали в кучу все свои годовые мессы и ночные службы и в течение суток с сердечной строгостью, набожностью и верой во всех своих заступников отправляли бы [только] одну полноценную ночную службу и [одну] мессу, вместо того, чтобы служить их по много тысяч в году: каждому [человеку] — особую, отправляемую без надлежащего благоговения и веры. О, любезные христиане, Богу нужно молиться немного, но всей душой, ибо Он порицает долгие и частые моления (Мф. 6) и подчеркивает, что награда за них — лишь еще большие мучения. Но корыстолюбие, которое не может доверительно относиться к Богу, отправляет богослужение по-своему и [всячески] поддерживает его, иначе оно умерло бы с голоду.

В-семнадцатых, следует также отменить некоторые взыскания или наказания канонического права, в особенности интердикт 142, который, безо всякого сомнения, придуман злым духом. Разве это не затея дьявола, что один грех хотят искупить при помощи многих, более тяжких грехов? Ведь замалчивать или ниспровергать Божье слово и службу — это гораздо больший грех, чем если бы кто-нибудь задушил сразу двадцать пап, не говоря уже об [убийстве] простого священника или о хищении духовного имущества. Последнее также относится к числу изысканных добродетелей, о которых упоминается в каноническом праве; ведь каноническое право называется духовным потому, что оно исходит от духа, но не от Святого Духа, а от духа злого.

Отлучение следует применять лишь в тех случаях, которые отмечены в Писании, то есть: по отношению к тем, кто не придерживается истинной веры, или к тем, о чьей грешной жизни известно каждому. Но нельзя [отлучать от Церкви] за земные дела. Однако сейчас все это извращено: каждый и верит, и живет, как хочет. Большей частью [это относится] к тем, которые мучают и бесчестят других людей при помощи отлучений. И теперь все отлучения свершаются ради земных благ, за что мы должны быть благодарны не кому иному, как святому духовному бесправью. Об этом я подробно говорил раньше в своей проповеди 143,

Другие наказания и взыскания: временное отстранение от должности, исключение из ордена, отягощение церковных кар, усиленное отягощение, отстранение от должности, громы и молнии, проклятия, осуждения и все прочие выдумки [церковников] — следовало бы закопать на десять локтей 144 в землю, чтобы на свете не осталось ни их названия, ни воспоминания о них. Злой дух, освобожденный при помощи канонического права, принес много ужасных несчастий и бедствий в Небесное Царство святого христианства, следствием

чего явилась порча душ и ухудшение нравов; так что, скорее всего, именно это подразумевалось в словах Христа (Мф. 23): "Горе вам, книжники, присвоившие себе власть поучать, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите и желающих войти не допускаете" 145.

В-восемнадцатых, пусть будут отменены все праздники, за исключением воскресенья. Если же захотят сохранить праздники Богородицы 146 и Великих Святых, то пусть перенесут их все на воскресенье или же отмечают только утром, во время мессы; а затем весь день пусть будет рабочим днем. Основанием для этого служит то, что [празднику] сопутствуют неумеренное пьянство, [азартные] игры, безделье и всяческие прегрешения; вследствие чего мы больше гневим Бога в Святые Дни, чем в будни. И получается как раз наоборот: Святой День — не святой, а рабочий день — святой. И от великого множества Святых Дней не только не усиливается поклонение Богу и Его святым, но происходит великое бесчестие, хотя некоторые выжившие из ума прелаты считают, что, отмечая по своей слепой набожности праздники в честь святой Оттилии 147, святой Барбары 148 и подобных им, каждый свершает в высшей степени доброе дело; между тем как он поступил бы намного лучше, если бы для почитания святого превратил Святой День в рабочий день.

Сверх этих духовных потерь простой человек испытывает и материальный ущерб, состоящий, во-первых, в том, что он прогуливает свою работу, во-вторых — потребляет [пищи и напитков] больше, чем в другое время, ослабляя свое тело и снижая способность к работе. Это мы наблюдаем ежедневно, но все-таки никто не проявляет стремления к преобразованиям. А между тем не имеет никакого значения, учрежден ли праздник папой, или же для того, [чтобы его отметить], нужно разрешение, освобождающее [от работы]. То, что направлено против Бога и причиняет вред телу и душе человека, не только может быть, без ведома и одобрения папы или епископа, враждебно воспринято и упразднено каждой общиной, [городским] советом или светской властью, но они даже обязаны, ради спасения души, не допускать этого, даже если папа и епископ, которым подобает первыми упразднить [праздники], ни захотят [сделать этого].

И прежде всего нужно совсем искоренить престольные праздники, поскольку они стали уподобляться не чему иному, как взаврадашним тавернам, ярмаркам и игорным домам и лишь способствуют умножению бесчестия Божьего и гибели души. В данном случае не поможет, если начнут, преувеличивая, [утверждать], что [у этого установления] было доброе начало и поэтому [его следует считать] добрым делом. Да отменит Бог Свой собственный закон, данный Им с небес, ибо обратилось во зло и ежедневно извращается заповеданное Им, разрушается Им сотворенное ради этого извращенного злоупотребления. [И да сбудется] написанное в 18 Псалме: "С лукавым [ты поступаешь] по лукавству его".

В-девятнадцатых, пусть будут изменены степени, или колена, родства, в которых запрещается вступление в брак, как, например, крестное родство 149, четвертая и третья степени [кровного] родства, чтобы [в случаях], когда папа бесстыдно продает за деньги разрешения на брак, каждый священник мог давать разрешение сам — безвозмездно и ради спасения души. Да, Богу угодно, чтобы была разорвана денежная сеть — духовный закон — и чтобы все, что нужно покупать в Риме — отпущения, индульгенции, "грамоты о масле" 150, грамоты о мессах 151 и все прочие римские *confessionalia* 152, или безобразия, при помощи которых обманывают и лишают денег бедный народ, — мог бесплатно делать и разрешать любой священник. Ведь если у папы есть полномочия продавать за деньги свои силки и духовные сети (я хотел сказать — законы), то, безусловно, у священника намного больше полномочий для того, чтобы разорвать их и во имя Божие попать ногами; если у него нет на это власти, то и у папы также нет никакой власти продавать их на своих гнусных ярмарках. Сюда же относится и то, чтобы соблюдение постов зависело от свободного усмотрения каждого и чтобы можно было употреблять любую пищу, как отмечено в Евангелии (Мф. 15, 11). Ведь они сами в Риме насмежаются над постами, а нас в Германии заставляют трескать постное масло, которым они себе не позволили бы смазывать даже обувь. Они также продают нам разрешение есть [в пост] сливочное масло и все прочее,

между тем как святой Апостол возвестил (1 Кор. 10, 25), что нам издревле в Евангелии предоставлена свобода относительно всего этого. Но они пленили нас своим каноническим правом и похитили нашу [свободу], вынуждая нас выкупать ее за деньги; сделали нашу совесть такой робкой и запуганной, что стало считаться предосудительным проповедовать об этой свободе. Ведь простой народ сильно возмущается такими [проповедями] и считает употребление масла большим грехом, чем ложь, лжеприсяга или даже прелюбодеяние. Однако узаконенное людьми все-таки останется человеческим делом, как бы это ни представляли, и никогда из этого не бывает ничего хорошего.

В-двадцатых, пусть будут разрушены до основания безнадзорные часовни и церкви, ставшие новыми центрами паломничества, как, например, в Вильснаке, Штернберге, Трире, Гримментале, Регенсбурге и во многих других [местах]. О, как тяжело будет дать жалкий отчет епископам, которые допускают такое дьявольское наваждение и испытывают от этого удовлетворение; они должны быть первыми в борьбе против этого, а они считают, что это богоугодное святое дело, не замечая, что такие [штучки] выкидывает дьявол для укрепления корыстолюбия, насаждения ложной, измышленной веры, ослабления приходских церквей, умножения кабаков и разврата, бесполезных затрат денег и труда и для того, чтобы водить за нос бедный народ. Если бы они Писание читали столь же усердно, как проклятое каноническое право, они смогли бы лучше судить о делах.

Ничего не доказывает и то, что там [в центрах паломничества] бывают знамения, ибо злой дух без особых усилий может творить чудеса, как возвестил нам Христос (Мф. 24). Если бы они отнеслись к этому серьезно и запретили подобные вещи, то чудеса вскоре бы прекратились, а если чудеса от Бога, то запрет не помешает им (Деян. 5, 39). И даже если бы не было никакого другого свидетельства, что они не от Бога, то было бы достаточно и того, что они побуждают толпы людей безрассудно бежать [в места паломничеств], как скот; а это не может быть от Бога, ибо Бог ничего подобного не заповедал; в этом нет никакого послушания, никакой заслуги. Поэтому нужно решительно взяться за дело и защитить народ. Ведь все незаповеданное и свершенное в обход заповедей Божьих наверняка исходит от самого дьявола. [Из-за паломничеств] меньше почитаются и приходские церкви, чем им наносится ущерб. И общий итог: все это признаки большого неверия среди народа; ведь если бы он истинно веровал, то [находил бы религиозное утешение] в своих приходских церквях, которые заповедано посещать.

О чем же следует мне повести речь дальше? Каждый помышляет лишь о том, как бы организовать и поддержать такие паломничества в своем округе, почти не обременяя себя заботами об истинной вере и жизни народа. Правители уподобляются народу: один слепой ведет другого. И в местах, куда не хотят стекаться паломники, начинают провозглашать святых — не ради возвеличения самих святых, которые достаточно почитаются и без этой шумихи, — а ради [притока] паломников и денежных приношений. И этому ныне способствуют папа и епископы. [В местах паломничеств] дождем изливаются отпущения, и на это хватает денег; но о том, что заповедано Богом, никто не заботится, к этому никто не стремится, на это ни у кого нет денег. Ах, мы настолько слепы, что не только позволяем своевольничать дьяволу с его наваждениями, но также укрепляем и умножаем их. Я хочу, чтобы любезных святых оставили в покое и не совращали бедный народ. Какой дух дал папе власть провозглашать святых? Кто сообщил ему, святые они или нет? Неужели на земле так мало греха, что нужно еще пытаться вторгнуться в решения Божьи и водрузить любезных святых на мешки с деньгами?

Поэтому советую я, чтобы прославление святых зависело от них самих. А провозглашать их должен лишь Сам Бог; каждый же [верующий] пусть остается в своем приходе; там он найдет больше, чем во всех церквях, куда стекаются паломники, вместе взятых. [Приходская церковь] связана с Крещением, Таинствами, проповедью и твоими ближними — и все это превосходит всех святых на небесах, ибо освящено словом Божьим и Таинствами. Но поскольку мы пренебрегаем этими первостепенными ценностями, Бог, справедливый в Своем праведном осуждении, развязал руки дьяволу, который водит нас

вокруг да около, побуждает к паломничествам, воздвигает часовни и церкви, возводит в святые и [заставляет] делать множество других глупостей, чтобы мы поменяли истинную веру на новое ложное суеверие. Ведь так же он поступил в старину с народом израильским, отвратив его от Иерусалимского храма к многочисленным местам [поклонения], [прикрываясь] при этом Божьим именем и искусно изображенной видимостью святости 154, против чего проповедовали все пророки, претерпевшие за это мучения. Но ныне никто не проповедует против этого, ибо епископы, папа, священники и монахи, скорее всего, также сделали бы таковых мучениками. А между тем Антоний Флорентийский 155 и многие другие недавно были провозглашены святыми и возвеличены, чтобы их святость могла стать [источником] славословия и денег, в то время как она должна была бы служить славе Божией и благому подражанию.

И хотя возвышение святых в старые времена могло производиться из добрых [побуждений], теперь в этом никогда не бывает ничего хорошего; подобно тому, как множество других вещей в старину было стоящим, а сейчас стало соблазнительным и вредным — вроде праздников, сокровищ церквей и их украшений. Ведь не подлежит сомнению, что, возвышая святых, стремятся не к славе Божией и не к улучшению христиан, а к деньгам и почестям; каждая церковь хочет быть обладательницей чего-то особенного по сравнению с другими и страдает, если у других [церквей] есть то же самое и ее преимущество превращается в общую норму. В наше полное соблазнов время духовные блага до такой степени подчинены злоупотреблениям и стяжанию мирских благ, что все, относящееся даже к Самому Богу, должно служить корыстолюбию. А преимущества [одной церкви по сравнению с другой] ведут лишь к двоякого рода [последствиям]: к сектантским расколам и к высокомерию. В то время как все божественные блага, равно общие для всех, должны служить лишь к единению, непохожесть одной церкви на другую [вызывает] взаимное презрение и [стремление] к первенству. А это по душе папе, который страдал бы, если бы все христиане были равными и едиными.

Сюда же относится требование отменить, или отвергнуть, или сделать общими для всех церквей те привилегии и буллы и все, что папа продает в Риме на своей живодерне. Ведь если он продает или предоставляет Виттенбергу, Галле, Венеции и, прежде всего, своему Риму *indulta* 156, привилегии, отпущения, милости, преимущества, *facilitates* 157, то почему он предоставляет это не всем церквам в целом? Разве он не обязан делать безвозмездно всем христианам во имя Божие все, что в его силах, даже пролить за них свою кровь? Так ответь [тогда] мне, почему он предоставляет или продает [привилегии] этой церкви, а другой — нет? И разве должны презренные деньги создавать в глазах Его Святейшества такие разительные различия среди христиан, у которых одно и то же Крещение, одни и те же: слово [Божие], вера, Христос, Бог и все [духовные] ценности? Да, папа пастырь, но лишь для тех, у кого есть деньги, не более того! И не стыдясь несколько такого мошенничества, [он] своими буллами водит нас за нос. А действовать его побуждают лишь проклятые деньги — и ничего больше.

Я же советую: если не будет устранено такое шарлатанство, пусть каждый благочестивый христианин откроет свои глаза и не позволяет обманывать себя римскими буллами, печатями и лицемерием; пусть остается в родных местах, в своей церкви и считает свое Крещение, Евангелие, веру, Христа и Бога, которые одинаковы во всех местах, лучшими, а папа пусть остается поводырем слепых. Ни ангел, ни папа не могут дать тебе столько, сколько дает тебе Бог в твоём приходе; папа же отвращает тебя от Даров Божиих, которыми ты обладаешь безвозмездно, к своим дарам, которые ты должен покупать, и продает тебе свинец — за золото, шкуру — за мясо, шнурок — за кошелек, воск — за мед, слово — за товар, буквы — за дух 158. Все это творится у тебя на глазах, а ты тем не менее не хочешь ничего замечать. Если ты намерен на его пергамене и воске вознестись на небо, то твоя колесница очень быстро разрушится и ты низвергнешься в преисподнюю — [конечно же] не во имя Божие. Поэтому придерживайся только одного твердого правила: то, что ты должен покупать у папы, бесполезно и не от Бога; ибо исходящее от Бога не только даруется

безвозмездно, но, более того, весь мир наказывается и проклинается, если он не хочет принять безвозмездно этот [дар], то есть Евангелие и творение Божие. Такое заблуждение мы заслужили у Бога потому, что презрели Его святое слово и милость Крещения, как отметил святой Павел: "И пошлет Бог действие заблуждения всем тем, которые не приняли истины для своего спасения, так что они будут верить лжи и низости и следовать [им]" 159. И этого они [вполне] достойны.

В-двадцать первых, крайне необходимо упразднить во всем христианстве все [разновидности] нищенства. Никто из христиан не должен просить милостыню. Если решительно и серьезно взяться за это, то можно без особых затруднений установить следующий порядок: пусть каждый город обеспечивает своих бедных и не допускает никого из пришлых попрошаек, как бы они ни называли себя: странствующими братьями или монахами нищенствующих орденов. По-видимому, каждый город может прокормить своих [бедных], а если он слишком мал, то можно обратиться с просьбой о помощи к крестьянам близлежащих деревень; ведь [сейчас] им приходится кормить множество бродяг и зловредных скоморохов, прикрывающихся именем нищих. [Идя по такому пути], также можно будет составить представление о том, кто действительно нуждается, а кто нет. В [городе] должен быть попечитель или опекун, который обязан знать всех бедных и сообщать совету или приходскому священнику об их нуждах или [предлагать] меры по их лучшему устройству. По моим наблюдениям, ни одному занятию не присуще такое мошенничество и ложь, как попрошайничеству, хотя его легко можно было бы целиком и полностью устранить. А между тем простой народ [продолжает] бедствовать из-за неограниченного, всеобщего попрошайничества. Я полагаю, что в каждую местность ежегодно является пять или шесть нищенствующих [монашеских] орденов; каждый — более шести-семи раз; добавим сюда обычных нищих, сборщиков пожертвований, монахов, совершающих паломничества. Сохранился подсчет, согласно которому один из городов около шестидесяти раз в году выделял суммы [для подаяний], не считая выплат светским властям, налогов и податей и того, что грабил и бесполезно проматывал Рим, [продававший] свой [святой] товар. Поэтому мне представляется великим чудом Божиим, что мы еще можем оставаться в живых и кое-как питаться.

Я вполне согласен с теми, которые считают, что таким способом нельзя в достаточной мере обеспечить бедных и что [из-за нехватки средств] для них нельзя будет построить слишком большие и богатые каменные дома и монастыри. Но это не так уж необходимо. Кто хочет быть бедным, не должен быть богатым; а если он хочет быть богатым, то пусть берет в руки плуг и добывает [богатство] от земли. Достаточно обеспечивать бедных в такой степени, чтобы им не грозила смерть из-за голода или холода. [Вместе с тем] никуда не годится извращенное злоупотребление нашего времени — чтобы один за счет труда другого бездельничал, богател и благоденствовал и чтобы это сочеталось с нищетой других. Ведь святой Павел сказал: "Кто не хочет трудиться, тот пусть и не ест" 160. Богом установлено, что никому не подобает жить за счет другого, исключая лишь проповедующих и управляющих священников, [которые получают содержание] за свой духовный труд, как [отмечал] святой Павел (1 Кор. 9) и как говорил Христос Апостолам: "Каждый работник достоин платы своей" 161.

В-двадцать вторых: вызывает беспокойство и то, что от многочисленных месс, установленных в церквах и монастырях, не только мало проку, но они еще и возбуждают великий гнев Божий. Поэтому было бы полезным не увеличивать их число, а, наоборот, отменить большинство из установленных [месс], поскольку видно, что их расценивают как жертву и "доброе дело", в то время как они, подобно Крещению и Покаянию, представляют собой Таинство, благотворное не для других, а для тех, кто его принимает. Но сейчас принято служить мессы за живых и мертвых и класть их в основу всего богослужения; потому-то их и установили так много и довели до такого состояния, какое мы теперь созерцаем. Но это, очевидно, слишком новые и неслыханные рассуждения, в особенности для тех, кто участвует в таком отправлении мессы, ведь [в случае упразднения таких месс]

они лишатся своей службы и пропитания. Но я повременю развивать свою мысль об этом до тех пор, пока вновь не возникнет правильное понимание того, что такое месса и для чего она нужна. К сожалению, уже на протяжении многих лет из нее делают ремесло для земного пропитания. И мне хотелось бы посоветовать, чтобы впредь пастух или вообще работник, перед тем как стать священником или монахом, основательно осведомлялся о том, что такое служение мессы.

Я здесь отнюдь не затрагиваю древних монастырей и кафедральных соборов, которые, без сомнения, утверждались вот для чего: поскольку по обычаям немецкой нации не каждый сын дворянина мог унаследовать землю и власть, то в этих самых заведениях [лишенные наследства дети] могли обеспечиваться и отдаваться служению Богу, учиться, становиться и делаться учеными людьми. Я говорю о новых духовных заведениях, которые учреждены лишь для молитвы и отправления месс. А по их примеру и возникшие в старину [духовные заведения] обременяют себя такими же молитвами и мессами — и вследствие этого и от них либо никакой, либо совсем мало пользы; ведь она также зависит от милости Божией. А они в конце своей почтенной [деятельности] опустились до самого низкого уровня, то есть до пения хоралов и рева органов и до вялых, холодных месс, чтобы только собрать и промотать преходящие духовные подати. Эх, за такими делами должны бы надзирать и письменно порицать их папа, епископы, доктора, а они как раз и есть те, кто преимущественно этим занимается: дает разрешения, вмешивается во все, что только приносит деньги; ведь всегда один слепой ведет другого. Вот что творит корыстолюбие и каноническое право!

Также недопустимо в дальнейшем, чтобы одно лицо [служило] более чем в одном соборе или приходе; надо довольствоваться скромным положением, чтобы и у другого тоже было бы что-нибудь. Такими доводами надо отвергать оправдания тех, которые утверждают, что они для поддержания приличного образа жизни должны иметь более одной синекуры. Но приличный образ жизни можно измерять такими мерками, что целой страны не хватит для его поддержания.

В-двадцать третьих, [средства] братств 162, а также отпущения, индульгенции, "грамоты о масле", грамоты о мессах, диспенсации 164 и подобные вещи — все это пропивается и губится, и в этом нет ничего хорошего. Если папа разрешает тебе есть [в пост] масло и освобождает от посещения мессы, то он должен также предоставить это [право диспенсаций] и приходскому священнику, и лишать его этого не в его власти. Я говорю и о братствах, которых обременяют отпущениями, мессами и "добрыми делами". Любезный, во время Крещения ты вступил в братство с Христом, со всеми ангелами, святыми и христианами, [живущими] на земле; держись его и довольствуйся им, вот и хватит тебе братьев. Предоставь другим лицемерить, как им угодно, и пусть они будут как разменный пфенниг по сравнению с гульденом. Но если бы и были братства, которые собирали бы деньги для того, чтобы прокормить бедняков или чтобы вообще помогать кому-нибудь, то они получили бы одобрение, отпущение и воздаяние на небесах. А сейчас их превратили в места, где пьют и закусывают.

Прежде всего нужно изгнать из немецких земель папских посланцев с их полномочиями на диспенсаций 165, которые они нам продают за большие деньги, что представляет собой явное мошенничество. Ведь они за деньги незаконное имущество делают законным, освобождают от клятв, обетов и союзов, нарушают и этим учат нас нарушать верность и доверие, условленные взаимным договором, и утверждают, что у папы есть на это власть. Это значит, что они говорят по [наущению] злого духа, продают нам архидьявольское учение и берут деньги за то, что они учат нас грешить и направляют в ад.

Если бы не было никаких других зловердных козней, доказывающих, что папа — настоящий антихрист, то лишь одного этого примера было бы достаточно, чтобы доказать это. Слышишь ли ты, папа, не всесвятнейший, а всегреховнейший, вскоре Бог с небес разрушит твой престол и низвергнет его в бездну преисподней! Кто дал тебе власть возвыситься над своим Богом, разрушать и ломать заповеданное Им и учить христиан — особенно [христиан] немецкой нации, которые восхваляются во всех исторических

сочинениях за благородство природы, постоянство и верность, — быть непостоянными, преступать клятву, предавать, злодействовать, нарушать верность? Бог заповедал, что надо соблюдать присягу и верность даже по отношению к врагам, а ты изворачиваешься, чтобы освободить от этой заповеди, и утверждаешь в своих еретических, антихристовых декреталях 166, что у тебя своя власть, и сатана посредством твоего голоса и пера лжет так, как он еще никогда не лгал; а ты душишь и неволишь Писание по своему произволу. О, Христос, мой Владыка, устремил взгляд с небес, приблизь день Страшного Суда Твоего и разрушь гнездо дьявола в Риме! Там восседает человек, о котором Павел сказал, что он возвысится над Тобой и воссядет в Твоей Церкви, поставит себя как Бога, будучи человеком греха и сыном погибели 167. И разве папское владычество представляет собой что-либо иное, как не обучение греху и злу, направляющее души к проклятию под прикрытием имени и света Твоего?

В старину дети Израилевы должны были сохранять верность клятве, которую неосознанно, будучи обманутыми, они дали гава-онитянам 168, врагам своим. И царь Седекия должен был бесславно погибнуть со всем своим народом, ибо нарушил клятву, данную царю вавилонскому 169. И сто лет тому назад Владислав, славный король поляков и венгров, вместе с множеством отважных людей, к сожалению, был убит турками, потому что позволил папским посланцам и кардиналу ввести себя в заблуждение, [нарушил] клятву и расторг священный, выгодный договор с турками 170. [И] благочестивому императору Сигизмунду 171 не было больше удач после Констанцского собора, на котором он позволил шутам нарушить охранную грамоту, данную Яну Гусу 172 и Иерониму 173, из-за чего и последовали всяческие недоразумения между богемцами и нами. И в наше время, помилуй Боже, сколько христианской крови пролито из-за договора и союза, нарушенных папой Юлием после того, как он заключил их с императором Максимилианом и французским королем Людовиком 174! Но я не в силах рассказать обо всех невзгодах, которые принесли папы, сводя с поистине дьявольской самонадеянностью на нет присягу и взаимные обязательства великих государей, насмехаясь над ними и беря за это деньги. Я надеюсь, что Страшный Суд уже у порога, ибо не может уже быть ничего худшего по сравнению с тем, что творит римский престол. Подавляя заповедь Божию, он утверждает вместо нее свою заповедь; если это не антихрист, то пусть объяснит [кто-нибудь] другой, каким он может быть. Но об этом в другой раз — подробнее и обстоятельнее.

В-двадцать четвертых, пришла наконец пора еще раз серьезно и здраво заняться делом богемцев, чтобы им объединиться с нами, а нам — с ними, и чтобы раз и навсегда покончить с ужасным злословием, с ненавистью и завистью с той и с другой стороны. Мне хотелось бы, по простоте своей, первым изложить свое мнение, с оговоркой на то, что кто-то понимает дело лучше меня. Во-первых, мы должны откровенно признать правду и отвергнуть наше осуждение, признав кое-что перед богемцами. А именно, что Ян Гус и Иероним Пражский были сожжены в Констанце — вопреки папской, христианской, императорской охранной грамоте и клятве, а тем самым была нарушена заповедь Божья, что вызвало у богемцев чувство глубокой горечи. И даже если бы они целиком и полностью заслуживали того, чтобы претерпеть от нас столь тяжкую несправедливость, [противоречащую заповеди] послушания Богу, то все равно они не обязаны одобрять это и признавать законным. Нет, они и поныне должны скорее положить живот свой, чем признать, что было справедливым нарушать императорскую, папскую, христианскую охранную грамоту, действуя вероломно вопреки ей. Поэтому, хотя богемцы и не проявили сдержанности, все-таки на папу и его приближенных ложится большая доля вины за бедствия, всяческие заблуждения и порчу нравов, которые последовали за этим самым Собором 175.

Я не намерен здесь ни осуждать положения Яна Гуса, ни защищать его заблуждений. Правда, поразмыслив, я не нашел у него ничего ложного. И я с чистой совестью могу считать, что преступившие посредством своих вероломных действий христианскую охранную грамоту и Божью заповедь приняли никудышное решение и осудили [Гуса] несправедливо; несомненно, они больше были одержимы злым духом, чем Духом Святым.

Ведь никто не станет сомневаться в том, что Святой Дух не действует вопреки Божьей заповеди; и никто не может быть настолько простодушным, [чтобы не подозревать], как не согласуется с Божьей заповедью нарушение охранной грамоты и заверений, даже если бы они были даны самому дьяволу, не говоря уже о еретике. Но всем известно, что охранная грамота, данная Гусу и богемцам, не была принята во внимание, и он был сожжен. Я вовсе не намерен превращать Яна Гуса в святого и мученика, как некоторые богемцы, хотя в то же время я признаю, что по отношению к нему поступили незаконно, а его книги и учение преданы проклятию несправедливо, — ибо Суд Божий ужасен и неисповедим и никто, кроме Самого Бога, не может возвещать и осуществлять его. Я хочу сказать лишь одно: пусть Гус был еретиком, и настолько зловредным, насколько это можно представить, и все же его сожгли незаконно и против воли Божьей, и не следует принуждать богемцев, чтобы они одобрили это; в противном случае мы никогда не придем к единению с ними. Нас должна объединять общепризнанная правда, а не упрямство. [Папистам] не поможет выдвинутый ими тогда предлог, будто бы по отношению к еретику можно не придерживаться [условий], [оговоренных] в охранной грамоте. Это равносильно утверждению: "Чтобы выполнять заповеди Божьи, надо не выполнять заповеди Божьи". Дьявол превратил их в безумных дурней, не ведавших, что они говорили или делали. Соблюдение [условий], [оговоренных] в охранной грамоте, заповедано Богом, и их надо было соблюдать, даже если бы при этом должен был погибнуть мир, не говоря уже об освобождении одного еретика. Еретиков надо преодолевать Писанием, как делали в старину Отцы [Церкви], а не огнем. Если бы преодоление еретиков огнем относилось к числу искусств 176, то тогда палачи были бы учнейшими докторами на земле; тогда мы могли бы больше не учиться, а [жить по правилу]: кто превосходит другого силой, тот может его сжечь.

Во-вторых, пусть император и князья пошлют [в Богемию] нескольких благочестивых, благоразумных епископов и ученых. (В их числе не должно быть ни кардинала, ни папского посланника, ни инквизитора, потому что эти люди более чем невежественны в христианских делах и стремятся не к спасению душ, а, уподобляясь папским лицемерам, делают все лишь ради собственной власти, пользы и славы. Ведь они-то и были зачинщиками констанцского несчастья). И эти искусные [в христианских делах епископы и ученые] должны будут выяснить у богемцев, как обстоят дела с их верой; возможно ли объединить все их секты 177. А папа должен, ради спасения душ, на время отказаться от своей власти и в соответствии со статутом вселенского Concilii Niceni 178 разрешить богемцам самим избрать архиепископа Пражского, которого рукоположили бы епископ Оломоуцкий в Моравии, или епископ Эгерский в Венгрии, или епископ Гнезненский в Польше, или епископ Магдебургский в Германии. Достаточно, если он будет рукоположен одним или двумя из них, как это было во времена святого Киприана 179; и против этого папа никоим образом не может возражать, а если он это сделает, то поступит как волк и тиран, и тогда его никто не должен поддерживать, а на его отлучение надо ответить своим отлучением.

Впрочем, если престол святого Петра, ради восстановления репутации, [рукоположит епископа сам], с ведома папы, то это можно допустить. Пусть только богемцы не платят за это ни геллера и пусть даже не думают обещать подчиниться его тирании путем заключения скрепленного клятвой союза, как это происходит вопреки справедливости и Богу со всеми другими епископами. Если же [папа] не проявит желания довольствоваться честью, что по этому поводу обращаются к его совести, то да выпадет ему, [обремененному] клятвами, правами, законами и тиранией, счастливый год и [пусть он], пренебрегающий [рукоположением Пражского епископа] и кровью всех душ, пребывает на грани гибели и изливается в сетованиях, пока не надорвет глотку. Ведь никто не обязан одобрять несправедливость, а тирании хватит оказывать честь. И если не может быть иного решения, то избрание и рукоположение [Пражского епископа] простым народом может и должно расцениваться как равнозначное тираническому [папскому] рукоположению. Но я все же надеюсь, что в этом не будет надобности, ибо в конце концов некоторые римляне или благочестивые епископы и ученые обратят внимание на папскую тиранию и воспротивятся

ей.

Я также не хочу советовать, чтобы [богемцев] принуждали отказаться от причащения [мирян] под обоими видами, так как его нельзя считать ни нехристианским, ни еретическим; если они хотят, пусть продолжают придерживаться того же обряда, лишь бы не возражал новый епископ, иначе по поводу этого Таинства могут возникнуть разногласия. Пусть он по доброму разъяснит им, что ни [тот, ни другой способ причащения] нельзя считать заблуждением, подобно тому как не следует учинять раздора из-за того, что священники одеты и подстрижены не так, как миряне. Точно так же, если они не хотят принимать римских духовных законов, их нужно не принуждать, а прежде всего увещевать, чтобы они жили праведно в вере и [следовали] Божественному Писанию, ибо христианская вера и христиане вполне могут существовать и без невыносимых законов папы, а он не сможет жить в довольстве, если уменьшить или вообще упразднить римские законы. Благодаря Крещению мы становимся свободными и [обязаны] подчиняться лишь словам Божиим; так почему же один человек должен брать нас в плен своими словами? Ведь святой Павел сказал: "Вам дана свобода, так не будьте рабами людей" 180, то есть тех, кто управляет посредством человеческих законов.

Если бы я был убежден, что у пикартов 181 нет никакого заблуждения в [понимании сущности] Таинства Причастия, кроме того, что они верят, будто бы [при отправлении этого Таинства] в алтаре реально присутствуют обыкновенные хлеб и вино, а не подлинное Тело и Кровь Христа, то я не стал бы их отвергать, а позволил бы им стать под начало епископа Пражского. Ведь в Символе Веры говорится не о том, что хлеб и вино присутствуют в Таинстве Причастия не по существу или нереально — это измышление святого Фомы 182 и папы, — а в Символе Веры утверждается, что в обыкновенном хлебе и вине действительно реально присутствуют Тело и Кровь Христовы 183. И следует мириться с заблуждениями обеих сторон, пока они не придут к единому мнению, так как нет никакой опасности в том, если ты сомневаешься, хлеб или не хлеб присутствует [во время отправления Таинства Причастия]. Ведь мы должны допускать разнообразные мнения и направления, которые не приносят вреда вере; и если бы [пикарты] верили не так, [как мы], я бы счел за благо не знать их. Но они проповедуют истину.

Если же у богемцев обнаружатся и другие заблуждения и противоречия, то с этим следует мириться до тех пор, пока опять восстановят архиепископа [Пражского] и он постепенно вновь сплотит общину, [которая будет придерживаться] единого учения. Но, воистину, хотелось бы, чтобы они были объединены не насильно, не самоуправно и не поспешно. Для этого нужно некоторое время и всепрощение. Должен же был Христос в течение долгого времени знаться со Своими учениками и переносить их неверие, чтобы они уверовали в Его Воскресение. И я думаю, что как только [в Богемии] будут восстановлены законный епископ и [духовное] правление и исчезнет римская тирания, то там, наверняка, все пойдет на лад. Не следует строжайшим образом требовать [от богемцев] возвращения Церкви принадлежавших ей имуществ 184, но — поскольку мы христиане и каждый обязан помогать другому, — мы вполне обладаем властью оставить их ради единства [богемцам] и позволить [пользоваться ими] перед Богом и миром. Ибо Христос сказал: "Где двое собраны на земле, там Я посреди их" 185. Если будет на то воля Божья, мы с обеих сторон будем содействовать этому, и с братским смирением протянем друг другу руки, и утвердимся не на своей силе или правде; любовь важнее и нужнее, чем папство в Риме, ибо оно может существовать без любви, а любовь — без папства. Я хочу приложить к этому и свои усилия. Если папа или его приближенные воспрепятствуют этому, то они ответят за то, что вопреки Божьей [заповеди] любви они заботились больше о себе, чем о своем ближнем. Папа был бы обязан отдать свою власть, все свое имущество и почести, если бы он этим мог спасти хоть одну душу. А в наше время он скорее даст погибнуть миру, чем позволит хотя бы чуть-чуть подорвать свою самонадеянную власть. Но, несмотря на это, он хочет, чтобы его считали святейшим. [Поэтому] мое выступление правомерно.

В-двадцать пятых, в университетах также, пожалуй, стоит [провести] глубокие

основательные преобразования. Я обязан сказать это, а там, пусть негодует, кто хочет. Дело в том, что все, учрежденное и предписанное папой, направлено лишь на умножение греха и заблуждений. И если университеты учреждаются по старым образцам, то они представляют собой лишь *Gymnasia Epheborum et Grece glorie* 186, как говорится в книге Маккавеев 187. В них царит распущенность, Священному Писанию и христианской вере уделяется мало внимания; в них единолично властвует — затмевая Христа — слепой языческий наставник Аристотель. И я советовал бы полностью изъять книги Аристотеля: *Physicorum*, *Metaphysice*, *de Anima*, *Ethicorum* 189, которые до сих пор считались лучшими, вместе со всеми другими, славословящими естественные вещи, хотя на основании их нельзя изучить ни естественные, ни духовные предметы. К тому же для усвоения взглядов Аристотеля, в которых до сих пор никто не смог [разобраться], попусту [растрчивались] труд, прилежание, средства, драгоценное время и понапрасну обременялись души. Я осмеливаюсь сказать, что [любой] гончар имеет более глубокие знания о естественных вещах, чем можно почерпнуть из книг Аристотеля. Мое сердце скорбит, что проклятый, высокомерный, лукавый язычник своими лживыми словами совратил и одурачил столь многих истинных христиан. Так Бог изводит нас Аристотелем из-за наших грехов.

И несмотря на то, что этот жалкий человек в своей лучшей книге "De anima" учит, что душа умирает вместе с телом, многие при помощи бесполезных рассуждений пытались его оправдать, как будто бы у нас нет Священного Писания, где нам исчерпывающим образом растолковываются все вещи, даже малейшего аромата которых не уловил Аристотель; но тем не менее мертвый язычник победил, — затмил и почти подавил книги живого Господа. И когда я размышляю об этом бедствии, то не могу утверждать ничего иного, как только то, что изучение [Аристотеля] ввел злой дух. Такова и книга "Ethicorum", зловреднейшая из всех книг, резко противоречащая милости Божией и христианским добродетелям и, несмотря на это, считающаяся одной из лучших. О, подальше с такими книгами от всех христиан! Никто не может упрекнуть меня, что я много говорю об этом или отвергаю то, чего не знаю. Дорогой друг, я хорошо знаю то, о чем говорю; Аристотеля я знаю так же хорошо, как ты и тебе подобные; я и слушал о нем, и читал его с большим пониманием, чем святой Фома 190 или Скотт 191. Похваляюсь этим безо [всякого] высокомерия, и если возникнет необходимость, вполне смогу доказать это. Меня не смущает то, что на протяжении многих столетий бесчисленное множество пытливых умов ломало голову над Аристотелем. Доводы такого рода, которые порой приводятся, никогда не действовали на меня, поскольку очевидно, что в течение многих столетий много заблуждений сохранилось в повседневной жизни и в университетах.

Я могу охотно примириться с тем, чтобы оставить книги Аристотеля по логике, риторике, поэтике или чтобы они, изложенные в сокращенной форме, с пользой читались молодежью для упражнений в красноречии и в [произнесении] проповедей. Но комментарии и интерпретации надо упразднить, и, подобно тому как "Риторика" Цицерона [читается] без комментариев и интерпретаций, в такой же простой форме, без таких обширных комментариев следует читать и "Логику" Аристотеля. Но в наше время по этим [произведениям] не обучают ни [искусству] речи, ни [произнесению] проповедей; а лишь сводят все это к диспутам и словопрениям. Наряду с [произведениями Цицерона и Аристотеля] [преподавание в университетах должно включать в себя] латинский, [древне] греческий и [древне] еврейский языки, математические дисциплины, историю. [Реформу образования] я возлагаю на знатоков, да она произойдет и сама по себе, если серьезно стремиться к изменениям. И, действительно, от нее зависит очень многое, ибо [в университетах] учится и получает подготовку христианское юношество, благороднейшая часть нашего народа, составляющая опору христианства. Поэтому я считаю, что никакое — ни папское, ни императорское — начинание не может осуществиться иначе, как через посредство основательно преобразованных университетов, и, наоборот, никакая дьявольская, вводящая в соблазн затея [не может осуществиться иначе], как через посредство неререформированных университетов.

Врачам я предоставляю преобразование их факультетов, юристов и теологов я беру на себя и прежде всего заявляю, что недурно было бы в корне уничтожить каноническое право, особенно декреталии, от первой буквы до последней. В Библии для нас [содержится] более чем достаточно предписаний, как нам поступать в любых обстоятельствах. Таким образом, изучение [канонического права] только мешает [восприятию] Священного Писания; к тому же большая часть [канонического] права пропитана корыстолюбием и высокомерием. И даже если бы в нем содержалось немало полезного, оно, тем не менее, как ему и подобает, должно пойти прахом, ибо папа пленил все каноническое право в "шкатулке своего сердца", так что отныне в нем лишь обман и изучать его бесполезно. Ныне каноническое право [сводится] не к книгам, а к произволу папы и его льстецов. Если ты в связи с каким-нибудь [судебным] делом приведешь основательные доводы из канонического права, то у папы на это есть *scrinium pectoris* 192, перед которым должно склониться любое право и весь мир. Теперь этим *scrinium* зачастую распоряжается какой-нибудь мошенник и сам дьявол, похваляющийся тем, что он одержим Святым Духом. Так обращаются с многострадальным народом Христовым: навязывают ему множество законов и ни одного не соблюдают, заставляя остальных придерживаться их или откупаться [за их нарушение] деньгами. И вот, поскольку папа и его приближенные сами свели на нет все церковное право и, не обращая на него внимания, руководствуются в отношениях со всем миром лишь своеволием, то и мы должны взять с них пример и тоже отвергнуть книги [канонического права]. Почему мы обязаны понапрасну штудировать их? Ведь мы никогда не сможем разобраться в папском произволе, к которому свелось теперь каноническое право. Ну и ладно! Да падет отныне во имя Божие то, что возвышалось во имя дьявола! И да не останется больше на земле ни одного *Doctores Decretorum* 193, но [да будут они называться] *Doctores scrinii Papalis* 194, то есть папскими лицемерами! Говорят, что нет нигде наилучшего светского правления, чем у турок, которые вместе с тем не имеют ни духовного, ни светского права, но только свой Алькоран 195. И мы должны признать, что нет более постыдного правления, чем у нас, ибо из-за [нашего] канонического и светского права [жизнь] всех сословий не сообразуется не только со Священным Писанием, но и с естественным разумом.

Светское право, помощи Боже, в какую пустыню оно превратилось, хотя оно и намного лучше, искусней, справедливей духовного, в котором, кроме названия, нет ничего стоящего, да и оно, (то есть слово "духовное"), стало включать в себя слишком многое. Воистину, разумным правителям наряду со Священным Писанием надо бы воздать должное праву, как говорит святой Павел (1 Кор. 6): "Вы судитесь пред неверными. [Но] неужели нет между вами ни одного [разумного], который мог бы рассудить между ближними своими?" 196 Мне также кажется, что надо отдать предпочтение праву земель и местным обычаям перед имперским общим правом и пользоваться последним только в крайних случаях. И Богу угодно, чтобы каждая земля, имеющая присущие только ей образ и условия жизни, и управлялась [на основе] собственного, не слишком обширного права, как она и управлялась до введения этого [имперского] права, без которого и сейчас управляются многие страны. Пространное и слишком замысловатое право, скорее препятствующее, чем способствующее [решению] дел — лишь обуза для людей. Вместе с тем надеюсь, что другие уже обдумали и рассмотрели эту тему лучше, чем я это смог изложить.

Мои любезные теологи, надрываясь от усердия, занимаются чтением *Sententias* 197 и не обращают внимания на Библию. Я считаю, что к *Sententiae* должны приступать начинающие теологи, а Библия пусть остается *Doctoribus* [докторам]; но поступают как раз наоборот: Библия — это первое, с чего начинают бакалавры, а *Sententiae* — это последнее, что на веки вечные предназначено для докторов. К тому же [существует] святейшее предписание, что Библию запросто могут преподавать [бакалавры], не посвященные во священники, а священникам вменяется в обязанность чтение [лекций по] *Sententias*. И как я замечаю, женатый человек может быть доктором, читающим лекции по Библии, но никоим образом — не по *Sententias*. Какая же участь суждена нам, если мы так неправильно поступаем, оттесняя Библию, священное слово Божие, на задний план? К тому же папа многословно и строго

предписывает преподавать его законы в школах и использовать в судах. И, конечно же, об Евангелии будут редко вспоминать. Ведь получается так, что его, за ненадобностью, забросили в пыль под скамейку, чтобы могли управлять только посредством пагубных папских законов.

Если мы носим звание и титул учителей Священного Писания, то в соответствии со званием должны на самом деле наставлять в Священном Писании — и ни в чем другом. А между тем высокомерного, напыщенного титула бывает вполне достаточно, чтобы человек, бахвалясь, называл себя учителем Священного Писания. С этим можно было бы еще мириться, если бы титул подтверждался делом. Но сейчас, когда единовластно господствуют *Sententias*, в теологах более обнаруживается языческое и человеческое невежество, чем [знание] священного, ясного учения Писания. Как же помочь этому? Я не знаю другого пути, кроме смиренной молитвы к Богу, чтобы Он дал нам настоящих *Doctores Theologiae* 198. *Doctores* искусств, медицины, права, *Sententias* могут готовить папа, император и университеты. В то же время не вызывает сомнения, что доктором Священного Писания тебя не сделает никто, за исключением Святого Духа, пребывающего на небесах. Ведь Христос говорит (Ин. 6): "И будут все научены Богом". А Святому Духу безразличны красные и коричневые береты 199 или показной блеск; [не спрашивает он] и о том, молод ли кто-то или стар, мирянин или священник, монах или живет в миру, девушка ли то или замужняя женщина. Ведь в старые времена Он говорил посредством ослицы с пророком, ехавшим на ней 200. Бог стремится сделать нас достойными ниспослания таких [истинных] *doctores*: мирян или священников, состоящих в браке или холостых. Правда, в наши дни стремятся доказать, что папа, епископы и *doctores* осенены Святым Духом, но, увы, нет никаких знамений и признаков, что Он почил на них.

Следует также сократить число [богословских] книг и изучать лишь лучшие, ибо множество книг не делают [человека] образованным и многочасовое чтение — тоже. Добрый нрав и частое обращение к книгам, как бы кратковременно оно ни было, — вот что делает [человека] осведомленным в Писании, да к тому же еще и благочестивым. Конечно, следует читать и сочинения всех святых Отцов [Церкви], но только некоторое время, а затем переходить к [изучению] Писания. Мы же читаем только [сочинения Отцов Церкви], ограничиваемся только ими и никогда глубоко не изучаем Писание. И этим мы уподобляемся тем, которые смотрят на придорожные вехи, но по дороге, тем не менее, не идут. Досточтимые Отцы [Церкви] своими сочинениями хотели нас подвести к [пониманию] Писания, но, [читая] их, мы [на самом деле] удаляемся от него. Ведь только Писание — наш виноградник, где все мы должны проявлять усердие и трудиться.

Прежде всего в высших и начальных школах предпочтение должно отдаваться ординарным лекциям по Священному Писанию, а для детей — по Евангелию. И да поможет Господь, чтобы в каждом городе [наряду со школами для мальчиков] была бы открыта школа и для девочек, в которой по часу в день им читали бы Евангелие то ли на немецком языке, то ли на латыни. Учреждая в давние времена первые школы, мужские и женские монастыри, [их основатели] руководствовались похвальными христианскими убеждениями. Когда мы читаем о святой Агнессе и о многих святых, то [видим], что тогда [насельниками монастырей] были святые девы и мученики, и все в христианстве обстояло вполне благополучно. А теперь [школы и монастыри] превратились в [места], где занимаются лишь молитвами и [церковными] песнопениями. Но не лучше ли было бы, если бы каждый христианин девяти или десяти лет от роду знал все святое Евангелие, в котором говорится об его призвании и жизни? Учат же пряжи и швеи дочерей с детских лет своему ремеслу. А вот Евангелия сейчас не знают даже важные ученые прелаты и сами епископы.

О, как беспечно мы относимся к брошенной на произвол судьбы молодежи, наставлять и просвещать которую нам заповедано! И тяжелой должна быть расплата за это. А поскольку мы не излагаем [молодежи] слова Божьего, то живет она, как описал Иеремия (Плач. 2): "Истощились от слез глаза мои, волнуется во мне внутренность моя, изливается на землю печень моя от гибели дщери народа моего, когда дети и грудные младенцы умирают от

голода среди городских улиц. Матерям своим говорят они: „где хлеб и вино!“—умирая, подобно раненым, на улицах городских, изливая души свои в лоно матерей своих". Но мы не замечаем этого тяжкого бедствия. А между тем теперешняя молодежь изнемогает и погибает на глазах у всех христиан, потому что Евангелие, изучением которого нужно постоянно с нею заниматься, выходит из употребления.

Если же в высших школах станут усердно [изучать] Священное Писание, то мы должны направлять туда не кого попало, как бывает сейчас, когда заботятся лишь о количестве и когда каждый хочет получить [степень] доктора, — а лишь самых способных, предварительно получивших хорошую подготовку в низших школах. Князья и городские советы должны следить за этим и направлять в [высшие школы] лишь самых способных. А туда, где не царит Священное Писание, я вообще никому не советую определять своих детей. Все [школы], где не занимаются неустанно изучением слова Божьего, обречены на гибель. Поэтому мы и видим, что за народ [сейчас] в высших школах и во что там превращается [человек]. А в этом виноваты только папа, епископы и прелаты, ибо им заповедано [беспокоиться] о благополучии молодежи. Ведь высшие школы должны воспитывать людей, исключительно глубоко понимающих Писание, способных стать епископами и священниками и возвышаться над еретиками и дьяволом и всем мирским. Но где встретишь это? И мне внушает большие опасения, что высшие школы, в которых не проявляют усердия для того, чтобы преподавать и истолковывать молодежи Священное Писание, [по сути] превратились в великие врата ада.

В-двадцать шестых. Мне хорошо известно, как римская клика выдумала и раздула [историю] о том, будто греческий император подарил папе Священную Римскую империю , [а тот] передал ее немцам. И за эту почесть и милость папа [якобы] должен заслуженно пользоваться в Германии всяческими благами, а немцы обязаны благодарить его и подчиняться ему. Скорее всего поэтому [папа и его сторонники] осмеливаются пускать по ветру любые попытки реформировать их и постоянно напоминают об этом пожаловании Римской империи. На этом основании они до сих пор так преднамеренно и заносчиво преследовали и притесняли некоторых прославленных императоров, что горестно и вспомнить об этом. И с таким же проворством они поставили себя выше всех светских властей и владык. [А поскольку они действовали] вопреки святому Евангелию, я должен говорить и об этом.

Не подлежит сомнению, что та римская держава, о которой было возведено Даниилом 204 и в книге пророка (Числ. 24), уже давно разрушена и канула в небытие, как определенно предсказал Валаам (Числ. 24): "Придут римляне и разрушат евреев, но и сами погибнут" 205. Это и произошло благодаря готам 206, а именно за тысячу лет до возникновения турецкой империи 207; а со временем [от Римской империи] отпали Азия и Африка, затем возвысились Франция и Испания, наконец — Венеция; и от прежнего величия у Рима ничего не осталось.

Так как папа не мог подчинить своему произволу греков и [пребывавшего] в Константинополе императора, который был наследным римским императором, то он и выдумал эту подделку 208. [Благодаря ей] он захватил у [императора] его империю и титул и предоставил их немцам, которые в то время были широко известны как отважные воины. Таким путем они [папа и его приближенные] присвоили себе власть над Римской империей и она из их рук [была передана нам] в качестве лена. Так все и происходило: [папа] отнял у императора в Константинополе лавры и титул и пожаловал их немцам, которые благодаря этому превратились в рабов папы, и теперь существует новая Римская держава, созданная папой на немецкой основе, ибо та, первая [держава], как говорилось, уже давно погибла.

А ныне римский престол учинил беззаконие: завладел Римом, изгнал оттуда немецкого императора, который вынужден был поклясться не делать Рим местом своего постоянного пребывания. Он должен быть римским императором и в то же время не [может] владеть Римом; к тому же он постоянно зависит от произвола папы и его приближенных. Так [и получилось], что у нас — название [Священной Римской империи], а у них — земли и

города. Ведь они из-за присущей им спеси и [приверженности] к тирании всегда злоупотребляли нашим простосердечием, называя нас глупыми немцами, которые позволяют водить себя за нос и дурачить, как вздумается римлянам. Ну да ладно! Для Господа Бога сущая безделица — распорядиться так или иначе державами или княжествами. Он [иногда] может расщедриться и отдать королевство какому-нибудь злому негодю, забрав его у благочестивого: иногда — посредством предательства недобрых, вероломных людей, иногда — посредством наследования. Такое бывало в Персидском царстве, в Греции и почти во всех державах. И Даниил говорит (Дан. 2 и 4): "Он обитает на небесах, властвует надо всем, и лишь Он один перемещает царства, бросает их туда и сюда и создает [их]" 209. Поэтому как никто не должен кичиться пожалованной [ему] державой, — особенно если он христианин, — так же и нам, немцам, не подобает заноситься из-за того, что нам пожаловали новую Римскую державу, ибо в Божьих глазах это незавидный дар, который Он чаще всего вручает самым бесталанным. Ведь Даниил говорит (Дан. 4): "Все, живущие на земле, пред ликом Его [Божьим] ничего не значат, и Он владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет" 210.

И хотя папа посредством насилия и произвола отобрал у законного императора Римскую империю или титул Римской империи и передал его нам — немцам, все же не вызывает сомнения, что на самом деле папское злопыхательство было [лишь] использовано Богом, дабы дать немецкой нации такую империю и после падения первой Римской империи создать другую, существующую и поныне 211. Мы, конечно, не были причастны к папским злодеяниям и не понимаем его лживых устремлений и намерений. Но коварные и склонные к плутовству папы [заставили] нас заплатить за эту империю невероятным кровопролитием, подавлением нашей свободы, захватом и разграблением всех наших ценностей, в особенности — церковей и приходов, [принуждением] претерпевать несказанное надувательство и позор. [То есть плата], к несчастью, была слишком дорогой. У нас — название империи, а у папы — наше имущество, честь, тело, жизнь, душа и все, что мы имеем. Вот так должны производить обмен немцы: обмениваясь — обманываться. Этому-то и добивались папы: стремясь стать императорами, но не обладая для этого способностями, они все-таки поставили себя над императорами.

Хотя империя досталась нам без нашего ведома, благодаря Божьему провидению и проискам злых людей, я хотел бы посоветовать не махать на нее рукой, а — в страхе Божиим и пока будет на то его [Божья] воля — управлять ею по справедливости. Ведь, как говорилось, хотя для Бога безразлично, как нам досталась империя, Он все-таки хочет, чтобы ею управляли. Папы, правда, несправедливо отняли ее у других, но это не значит, что мы незаконно ее приняли. Она перешла к нам из рук злонамеренных людей, но по воле Божьей, которая для нас значит намного больше, чем ложное мнение пап, намеревавшихся стать императорами и более чем императорами, а нас дурачить только названием [империи] и издеваться [над нами]. Царь вавилонский тоже захватил свое царство путем грабежа и насилия. Но Бог все-таки возжелал, чтобы оно управлялось святыми правителями Даниилом, Ананией, Азарией и Мисаилом 212. И гораздо больше хочет Он, чтобы эта [Римская] империя управлялась христианскими немецкими государями, невзирая на то, украдена ли она папой, или присвоена путем захвата, или создана заново. Ведь все происходящее вначале свершается по воле Божией, а уж потом мы узнаем об этом.

Папа и его приближенные не могут похвалиться тем, что пожалованием этой Римской империи они несказанно благодетельствовали немецкую нацию. Во-первых, потому, что они не желали нам никаких благ, а лишь злоупотребили нашей доверчивостью для усиления своей заносчивости по отношению к [пребывавшему] в Константинополе законному римскому императору, у которого папа, вопреки Богу и справедливости, отнял то, на что не имел никакого права. Во-вторых, потому, что таким образом папа намеревался не [передать] нам империю, а присвоить ее, [лишить нас] свободы, имущества, тела и души, покорить все наши владения, а посредством нас (если бы Бог не воспрепятствовал этому) — весь мир. Об этом он недвусмысленно заявлял в своих декретах, [и это] он пытался [осуществить],

[вовлекая] в разные злые козни многих немецких императоров. Так нас, немцев, превосходно воспитали в немецком духе: намереваясь стать господами, мы стали рабами коварнейших тиранов; у нас — название, титул и герб империи, а ее сокровища, власть, право и свобода — у папы. Итак, папа пожирает ядра [орехов], а мы забавляемся пустой скорлупой.

Да поможет нам Господь, Который (как отмечалось) при посредничестве коварных тиранов передал нам эту империю с названием, титулом и гербом и повелел управлять ею, спасти нашу свободу и показать однажды римлянам, что [в действительности] мы получили от Бога при их посредничестве. Они бахвалятся, что передали нам империю. Хорошо, пусть будет так! Но тогда пусть папа присовокупит сюда Рим и все, что у него есть от империи, пусть освободит нашу страну от своих невыносимых поборов и угнетения, пусть возвратит нашу свободу, права, честь, тело и душу и позволит, в соответствии со своими словами и многочисленными обещаниями, стать империи тем, чем ей подобает быть. А если он не хочет делать этого, так почему же тогда он с пеной у рта пускается в лицемерные, лживые, надуманные рассуждения? Неужели он не ублагодотворился тем, что в течение многих сотен лет без усталости, беззастенчиво водил за нос благородную нацию? Из того, что папа коронует или посвящает императора, еще не следует, что первый должен возвышаться над вторым. Ведь святой пророк Самуил по Божьему повелению помазал на царство и короновал Саула и Давида 213 и остался, несмотря на это, их подданным. И пророк Нафан помазал на царство Соломона 214, но из-за этого не возвысился над ним. Далее, святой Елисей повелел одному из своих слуг помазать на царствование в Израиле Ииуя, [слугу Ахава], и жители безоговорочно подчинились ему²¹⁵. И никогда не было такого, чтобы тот, кто посвящает или коронует царя, возвышался над ним. Единственное исключение здесь — папа. Его венчают на папство трое подвластных ему кардиналов, и [после коронации] он, [вполне справедливо], не подчиняется им. Почему же, вопреки своему собственному примеру, [вопреки] опыту всего мира и учению Писания, он должен возвышать себя над светской властью или императором? Разве только потому, что он его коронует или посвящает? Достаточно и того, что он выше императора в Божественных делах: таких, как проповедь, вероучение, свершение Таинств. Но в этом над каждым возвышается и любой епископ и священник; подобно тому, как святой Амвросий 216 у престола [алтаря] был выше императора Феодосия 217, пророк Нафан — выше Давида 218, а Самуил — выше Саула 219. Поэтому пусть немецкий император станет настоящим и независимым императором и пусть его власть и меч не подавляются лживыми заявлениями папских льстецов о том, что они во всех делах должны возвышаться над светским мечом.

В-двадцать седьмых. На этом закончим говорить об изъянах в духовных [делах]. Если приглядеться повнимательней, то их можно обнаружить намного больше. [Сейчас же] укажем на некоторые недостатки в светской [жизни]. Прежде всего ощущается крайняя необходимость во всеобщем постановлении немецкой нации, запрещающем чрезмерное изобилие дорогостоящих одежд, которое приводит к разорению многих дворян и богачей. Бог наделил нас, как и другие страны, в достаточной степени шерстью, мехами, льном и всем, что используется для [изготовления] вполне приличного одеяния для каждого сословия. Поэтому нет нужды в том, чтобы безумно транжирить такие невообразимые сокровища на шелк, бархат, парчу и другие заграничные товары. Мне кажется, что даже если бы папа не грабил и безмерно не угнетал нас, немцев, для нас вполне хватило бы этих местных разбойников — торговцев шелком и бархатом. И мы видим, что из-за этой [торговли] каждый стремится сравняться с другими и что поэтому среди нас, как мы того и заслуживаем, возбуждается и умножается высокомерие и зависть. А поскольку это горше всех других несчастий, то пусть благоразумие заставит нас с благодарностью довольствоваться благами, ниспосланными Богом.

Точно так же следовало бы сократить [поставку] пряностей, которые можно уподобить большому кораблю, вывозящему из немецких земель деньги. По милости Божией у нас, как ни в какой другой стране, увеличивается потребление дорогой и изысканной пищи и

напитков. Я, наверное, предлагаю здесь несуразную и невозможную вещь, рекомендуя отказаться от крупной торговли и [упразднить] купеческие компании. Но я делаю свое; если это не будет улучшено всеми сообща, то пусть улучшает себя самого всякий, кто захочет. Я не замечаю того, чтобы купцы приносили в страну множество хороших обычаев. И Бог по этой причине в старину повелел народу Израиля жить вдали от моря и не слишком увлекаться торговлей.

Но самое большое несчастье немецкой нации — это, несомненно, ростовщичество. Если бы его не существовало, то многие наверняка не смогли бы продать свои шелка, бархат, украшения из золота, специи и предметы роскоши всякого рода. Оно возникло [в Германии] не более ста лет тому назад и уже ввергло почти всех князей, духовенство, горожан, дворян и их наследников в бедность, несчастья и погибель. Если оно просуществует еще сто лет, то вряд ли в Германии останется хоть один пфенниг, а мы, скорее всего, вынуждены будем пожирать друг друга. [Ростовщичество] выдумал дьявол, а папа, утвердив его, подверг бедствиям весь мир. Поэтому я сейчас прошу и взываю: пусть каждый поразмышляет о своей собственной погибели, о [погибели] своих детей и наследников, которая не только [находится] у его порога, но уже не дает покоя в доме. И пусть император, князья, господа и горожане сделают все для того, чтобы ростовщичество строжайшим образом было подвергнуто проклятию и немедленно запрещено, не обращая внимания на то, что против этого папа и все его право или бесправие и что на этом держатся лены и монастыри. Лучше, если в каком-нибудь городе будет один лен [на основе] справедливого наследования или арендной платы, чем сто — [на основе] ссуды. Не подлежит сомнению, что один лен, [за который нужно] выплачивать проценты, хуже и обременительней, чем двадцать наследственных владений. Воистину, ростовщичество, в одно и то же время способствующее обветшанию наших как земных, так и духовных ценностей, стало свидетельством того, что мир, [погрязший] в тяжких грехах, продался дьяволу. А мы все еще ничего не предпринимаем!

По правде говоря, есть необходимость и в том, чтобы обуздать Фуггеров 220 и другие компании такого же рода. Разве может считаться Божественным и справедливым то, что на протяжении человеческой жизни одна [торгово-ростовщическая] компания наживает такие огромные, королевские богатства? Не будучи знаком с торговыми расчетами, я не понимаю, как можно, имея сто гульденов, заработать в течение года двадцать, и даже, [имея] один, — [заработать] еще один, и все это — не занимаясь земледелием или скотоводством: ведь в этих занятиях благосостояние зависит не от сметливости человека, а от щедрот Божиих. Но пусть займутся этим осведомленные в мирских делах. Я же как теолог могу в данном случае порицать лишь преуспевающих во зле и вводящих в заблуждение. Ведь святой Павел говорил: "Удаляйся имеющих вид благочестия, [силы же его отрекшихся]" 221. Я глубоко убежден в том, что намного благочестивее было бы умножать земледелие и сокращать торговлю. И достойны похвалы те, которые, в соответствии с Писанием, обрабатывают землю и этим добывают себе пропитание. Ведь к нам и ко всем обращены слова, сказанные Адаму: "Проклята земля [за тебя]; когда будешь на ней работать, терние и волчцы произрастят она тебе; и в поте лица своего будешь есть хлеб свой" 222. И как много еще невспаханной и необработанной земли!

Теперь перейдем к злоупотреблению обжорством и пьянством, из-за которого нас, немцев, всячески поносят в чужих краях и которое считается особым, только нам присущим пороком. Он сейчас настолько укоренился и распространился, что проповеди, осуждающие его, [не помогают]. Конечно, можно было бы не говорить об имущественном ущербе от него, если бы за ним не следовали другие пороки: убийство, прелюбодеяние, жульничество, богохульство и разнообразные дурные наклонности. Светскому мечу подобает предпринять против этого некоторые меры, иначе, как возвестил Христос, может случиться, что Страшный Суд наступит внезапно 223, когда они будут пить и есть, жениться и выходить замуж, строить и сеять, покупать и продавать. А сейчас во всем этом настолько усердствуют, что я воочию убеждаюсь: Страшный Суд — уже на пороге, хотя о нем меньше всего думают.

И последнее: разве не прискорбно, что мы, христиане, позволяем содержать у нас общедоступные публичные дома, в то время как все мы крестились для целомудрия? Мне хорошо знакомы возражения некоторых, утверждающих по этому поводу, что народ привык к этому и что лучше [посещать] такие [заведения], чем опозорить девушку, или замужнюю, или вообще порядочную [женщину]. Разве не стоит светским и духовным правителям задуматься над тем, как воспротивиться такому языческому поведению? Если народ Израиля смог искоренить такое безобразие, то почему не могут поступить так же христиане? Да и вообще, ведь многие местности, города, ярмарки и деревни обходятся без таких домов. Так почему же не могут обойтись без них большие города? Давая этот и другие, отмеченные выше советы, я хотел показать, сколько добрых дел могла бы свершить светская власть и, вообще, в чем заключаются обязанности любой власти. А исходя из этого, каждый может уяснить, какая тяжкая ответственность лежит на тех, кто восседает наверху и правит. Какая польза от того, что правитель сам по себе так же свят, как святой Петр? Ведь если он даже не помышляет о том, чтобы заботливо помочь своим подданным в делах, [которые мы обсуждаем], то они проклянут его правление, ибо власти обязаны печься о благе подданных. И если бы власти заботились о молодежи, вступающей в брак, то надежда на [обеспеченную] жизнь в браке, несомненно, помогла бы каждому сопротивляться искушениям и преодолевать их. А теперь получается так, что каждого [молодого человека] воспитывают для принятия сана священника или монаха. И "я беспокоюсь, что каждый сотый из их числа не имеет никаких иных побуждений [для вступления в духовное сословие], кроме заботы о пропитании и сомнения в том, что, вступив в брак, он сможет содержать свою [семью]. Поэтому они смолоду распутничают вдоволь, желая (как говорится) перебеситься, но на самом деле, как учит опыт, еще больше втягиваются в разврат. Я считаю справедливой поговорку: отчаяние создает большую часть монахов и священников. Потому-то и ведут они такое [порочное] житье-бытье, какое нам доводится наблюдать.

Но я хотел бы от всей души посоветовать: чтобы избежать множества необычайно распространенных прегрешений, ни юноши, ни девушки до тридцати лет не должны связывать себя обетом целомудрия или духовной жизни. Ведь это особая милость, как говорит святой Павел 224. Поэтому тот, кто не [ощущает] особого Божественного призвания к этому, должен повременить с принятием сана священника и обетов. Скажу больше: если ты почти не надеешься на Бога, [сомневаясь] в том, что, вступив в брак, ты сможешь прокормить [семью], и только из-за этого маловерия хочешь стать духовным, то я прошу тебя, ради твоей собственной души — не стремись сразу стать духовным, а стань прежде крестьянином или займись тем, к чему у тебя есть склонность. Ведь если нужно доверчиво уповать на Бога, чтобы добывать пищу земную, то, несомненно, для пребывания в духовном сословии нужно десятикратное упование [на Бога]. Если ты не веришь, что Бог может дать тебе пищу земную, то разве ты можешь уверовать, что Он поддержит тебя духовно? Ах, неверие и недоверчивость губят все, ввергают нас во всяческие бедствия! И это относится ко всем сословиям. Еще очень многое нужно было бы сказать о жалком положении молодежи. Ведь о ней некому позаботиться. Все идет, как и встарь, и от властей [молодежи] столько проку, как если бы их вообще не было. А ведь это должно быть первой заботой папы, епископов, власть имущих и соборов. Но они, не принося никакой пользы, [стремятся лишь к тому], чтобы обладать безграничной властью. О, какой редкостью из-за этого будет на небесах господин и владыка, даже если он сам построит сто церквей и воскресит всех покойников.

На этот раз довольно. Ведь о том, как подобает действовать светской власти и дворянству, я, на мой взгляд, обстоятельно рассказал в книжке "О добрых делах" 225. Им подобало бы жить, да и управлять лучше, чем они это делают. Но все-таки, как я отмечал в той [книге], нет никакого сравнения между светскими и духовными злоупотреблениями. Я также хорошо понимаю, что повел песню слишком высоко, добавил много предложений, которые покажутся невыполнимыми, на многое нападал слишком резко. Но что мне оставалось делать? Я должен был сказать это. Если бы у меня была возможность, то мне

хотелось бы это и свершить. Пусть лучше на меня гневается мир, чем Бог. Ведь ничего, кроме жизни, меня лишит не смогут. Раньше я не раз предлагал мир своим противникам. Но, как я вижу, Бог посредством их вынуждает меня говорить все громче, а им, поскольку они постоянно должны что-то делать, дает возможность говорить, лаять, кричать и писать. Ну да ладно, я знаю еще одну песенку о Риме и о них, [т. е. о папе и его сторонниках]. И хотя у них зудит в ушах, я намереваюсь спеть и ее, причем на самых высоких нотах. Вполне ли понимаешь, любезный Рим, что я имею в виду?

Я также неоднократно предлагал обсудить мои сочинения, но все это не помогло. Я, правда, знаю, что поскольку мое дело правое, то оно подлежит проклятию на земле и будет оправдано только Христом на небесах. Ведь все Писание свидетельствует о том, что христиане и их дело должны быть оправданы лишь Богом. На земле же еще никогда ни один из людей не был оправдан, ибо во все времена противник был слишком велик и могуществен. Я также особенно сильно беспокоюсь и опасуюсь того, что мое дело может не подвергнуться проклятию. В таком случае я бы уверился в том, что оно не угодно Богу. Поэтому пусть смелее выступают [против него] папа, епископы, священники, монахи или ученые. Они, воистину, те люди, которые обязаны преследовать правду. Ведь во все времена они именно так и поступали.

Дай, Боже, всем нам христианское благоразумие, а христианскому дворянству немецкой нации наряду с этим и истинное духовное мужество для того, чтобы принести пользу бедной Церкви. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Произведение закончено Лютером в конце июня 1520 г. Опубликовано в августе. До конца 1520 г. оно выдержало 13 изданий.

Небольшие отрывки из этого произведения были впервые переведены на русский язык Д. Н. Егоровым и опубликованы в 1906 г. (См.: Христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния // Источники по истории Реформации. М., 1906. Вып. 1.). В полном объеме произведение было переведено В. С. Рожициным. (См.: Д-р Мартин Лютер. К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния / Пер. В. С. Рожицина. Х., 1912). Это издание было опубликовано небольшим тиражом и уже давно стало библиографической редкостью. Выполненный для своего времени на высоком уровне перевод В. С. Рожицина сегодня местами звучит архаично; иногда переводчик механически воспроизводит "букву" оригинала; кое-где лютеровская мысль искажена. Кроме того, сочинение Лютера было издано без комментариев. Все это обусловило необходимость нового перевода.

Настоящий перевод выполнен по изданию: Luther Martin. An den christlichen Adel deutscher Nation von des christlichen Standes Besserung // EA. Bd 21. S. 274—360.

1 Лмсдорф — Николаус фон Амсдорф из Торгау (1483—1565), друг Лютера. В 1520 г. — лицензиат, позже — профессор теологии и каноник в Виттенберге; суперинтендент в Магдебурге, евангелический епископ в Наумбурге.

2 Цитата из Еккл. 3, 7 приводится не дословно.

3 Цитата из 1 Кор. 3, 18 приводится не дословно.

4 Во время акта промоции новоиспеченные доктора теологии давали присягу, что на протяжении всей жизни будут защищать чистоту христианской веры.

5 23 июня.

6 Имеются в виду Церковные Соборы XV в.: в Пизе (1409), Констанце (1414—1418), Павии-Сиене (1423—1424), Базеле (1431—1449), Ферраре—Флоренции-Риме (1438—1445). Во время заседаний этих Соборов обсуждались проекты реформ, направленных на преодоление церковного раскола (схизмы) 1378—1417 гг. и восстановление единства Церкви.

7 Речь идет о Карле V — императоре Священной Римской империи (1519—1556). До Вормского рейхстага 1521 г. Лютер, как и многие из Германии, надеялся, что Карл V поддержит Реформацию.

8 Пс. 32, 16.

9 Фридрих I — Фридрих I Барбаросса (ок. 1125—1190), император Священной Римской империи (с 1155). Совершил 5 военных походов в Италию. Издал Рон-кальские постановления (1158), лишившие ломбардские города самоуправления. Однако города, объединившись в Ломбардскую лигу (1167), заключили союз с папой, нанесли Фридриху I поражение при Леньяно (1176) и заставили его отказаться от Ронкальских постановлений.

10 Фридрих II — Фридрих II Штауфен, или Гогенштауфен (1194—1250). С 1220 г. император Священной Римской империи. Почти все его правление заполнено борьбой с североитальянскими городами и папами. Несколько раз его отлучали от Церкви. Созванный в 1245 г. папой Иннокентием IV Вселенский Собор объявил Фридриха II низложенным с императорского престола.

11 Юлий II — папа римский (1503—1513). С целью территориального расширения папской области и усиления папской власти активно вмешивался в итальянские войны (1494—1559).

12 Ссылка Лютера на Суд. 20 не совсем удачна. В отмеченном фрагменте действительно рассказывается о том, что Израиль два раза потерпел поражение от сынов Вениаминовых. В первой битве погибло не 42, как пишет Лютер, а 22 тыс. израильтян, во второй — 18 тыс. Но, согласно библейскому тексту, израильтяне не полагались лишь на свое могущество. Они постоянно молились и спрашивали совета у Бога. И в третьем сражении им удалось одержать полную победу над сыновьями Вениаминовыми.

13 См. прим. 7.

14 Романистами Лютер называет приверженцев неограниченной власти римских пап.

15 Образ трех стен был заимствован Лютером у майнцского придворного капеллана Вольфганга Капито (1478—1541). См. письмо последнего к Лютеру от 4 сентября 1518 г. (WA Br. Vd I. S. 198, 211—214).

16 Выражение из Иис. Н. 6. Евреи на пути из Египта в Палестину осадили город Иерихон. Шесть дней священники, трубя в семь священных труб, в сопровождении воинов обходили Иерихон. На седьмой день от звука труб и громких криков стены города обрушились.

17 Тонзура (лат. tonsura — стрижка) — выстриженное или выбритое место на макушке, знак принадлежности к католическому духовенству. Введена по постановлению Толедского Собора (633).

18 Стихи 9 и 10 Откр. 5 приводятся не дословно.

Здесь Лютер отрицает систему celibата, т. е. обязательного безбрачия духовенства. Целибат был установлен в XI в. с целью не допустить дробления церковных земель между наследниками священнослужителей и поднять престиж духовенства.

20 Святой Августин. — Аврелий Августин (354—430), один из наиболее видных Отцов Церкви, епископ Гиппона (Сев. Африка). Учение Августина оказало большое влияние на формирование мировоззрения Лютера.

21 Амвросий — Амвросий Медиоланский (340—397), проповедник, епископ Милана.

22 Киприан — Thascius Caecilius Cyprianus (ок. 200—258), епископ Карфагена, требовал установить равноправие всех епископов. В своих сочинениях отстаивал идею единства Христианских Церквей и равноправия всех епископов. Погиб во время преследований христиан при императоре Валерии (253—260).

23 *Character indelebilis* (лат.) — непреходящие качества. По католическому учению, посвящение в священники придает посвящаемому Божественные полномочия и особые достоинства, которые на земле никто не вправе отменить. Основанием для этого не могут быть ни какие бы то ни было внешние обстоятельства, ни прегрешения самого священнослужителя. Лишить его полномочий и особых достоинств может лишь Бог в будущей небесной жизни.

24 2 Пет. 2, 1 и 3. Эта цитата приводится Лютером не дословно.

25 Т. е. измышление папы и его сторонников.

26 Рим. 13, 1 и 4. Эта цитата приводится Лютером не дословно.

27 1 Пет. 2, 13 и 15.

28 Интердикт (лат. *interdictum* — запрещение) — полный или частичный запрет совершать богослужение и религиозные обряды. Налагался папами, Церковными Соборами и епископами на определенную территорию и на отдельных лиц. Всеобщий интердикт, о котором говорит Лютер, сводился к запрету отправлять богослужение, причащать, хоронить умерших по церковному обряду и т. д.

29 Цитируемый Лютером шестой канон канонического права (*Corpus Juris Canonici, Pars 1, Cap. 6, Dist 40*) подтверждал неприкосновенность папы и невозможность его смещения даже в тех случаях, когда его образ действий противоречил элементарным нормам христианской морали. На этот канон ссылался папский эксперт в вопросах веры Сильвестр Приэриас в направленном против Лютера диалоге о власти папы ("*Epitome Responsis ad Martinum Luther*"). Лютер перевел это сочинение на немецкий язык и опубликовал со своими комментариями под названием "Адский манифест Приэриаса".

30 Святой Григорий — очевидно, Григорий Просветитель (Григорий Партева) (ок. 240 — ок. 332), первый католикос Армении. Принимал участие в Никейском Церковном Соборе. По его имени Армянская Церковь получила название Григорианской.

Встречающееся в литературе мнение о том, что Лютер в рассматриваемом месте ссылается на папу Григория I, или Григория Великого (ок. 540—604, папа с 590), скорее всего, неосновательны, так как Григорий I отстаивал идею верховенства папства над другими епископами и верующими вообще.

31 Антихрист — согласно Откр. 13 и 2 Фее. 2, противник христианства, который появится на земле незадолго до "конца мира" и перед "вторым Пришествием Христа" и принесет людям невиданные бедствия.

32 Цитата приводится Лютером не дословно.

33 Цитата приводится Лютером не дословно.

34 "Власть ключей" — согласно Мф. 16, 18—19, Христос, обращаясь к Апостолу Петру, сказал: "...ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах". Идеологи католицизма, истолковывая эти слова в самом широком смысле, утверждали, что под "властью ключей" следует понимать высшую духовную власть, которая якобы принадлежит папам римским как преемникам Апостола Петра. Лютер же считал, что в своей иносказательной речи Христос, уподобляя Царство Небесное зданию, предоставлял Петру право открывать двери этого здания для одних и закрывать — для других, т. е. прощать грехи одним и не прощать другим. Утверждая, что "ключи переданы не одному святому Петру, а всей общине", Лютер, очевидно, опирался на следующие слова Христа, которые были обращены уже не к одному Петру, а ко всем Апостолам (Ин. 20, 23): "Кому простите грехи, тому простятся;

на ком оставите, на том останутся". См. также Мф. 18, 18: "Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе".

36 Цитата из Ин. 17, 9 и 20 приводится Лютером не дословно.

37 Произвольно приводимый Лютером отрывок содержится не в 1 Кор. 4, а в 2 Кор. 4, 13.

38 2 Кор. 3, 17: "Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода".

39 Авраам, выполняя желание своей жены Сарры, изгнал рабыню Агарь и ее сына Измаила в пустыню (Быт. 21).

40 В Числ. 22 рассказывается о жителе города Педдор Валааме, который предсказывал будущее и заклинал судьбу. Царь моавитян Валак, узнав о приближении евреев к своей столице, послал старейшин к Валааму, чтобы испросить благословения для моавитян. Сначала Валаам отказался от этого предложения. Но потом ему показалось, что Бог позволил ему удовлетворить просьбу Валака. Валаам отправился на ослице в путь вслед за

старейшинами. Ослица увидела ангела, преграждавшего ей дорогу, и пустилась наутек. Валаам стал бить ослицу палкою. Тогда отверз Бог уста ослицы, и она сказала Валааму: "Что я тебе сделала, что ты бьешь меня?".

41 Отстаивая в 1520 г. идею создания религиозной общины на демократических началах, Лютер заменил в цитируемом отрывке слово "Церковь" словом "община".

42 Первый Вселенский Собор был созван императором Константином I (ок. 272—337, император с 306) в 325 г. в Никее (Малая Азия). Собор осудил как ересь арианство и выработал обязательный для всех христиан "Символ Веры".

43 2 Кор. 10, 8. Цитата приводится Лютером не дословно.

44 Цитата приводится Лютером не дословно.

45 Цитата из 2 Фее. 2, 9 приводится Лютером не дословно.

46 Перефразированное Лютером выражение Ал. Павла из 2 Кор. 13, 8: "Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину".

47 Перефразированное Лютером выражение из Деян. 5, 29: "должно повиноваться больше Богу, нежели человекам".

48 Митра (гр. *mītra* — головная повязка) — головной убор высшего духовенства, надеваемый во время богослужения. Первые папы носили простую митру. Папа Бонифаций VIII (1294—1303) ввел митру с двойной короной как знак верховного владычества над духовным и светским царствами. Папа Урбан V (1362—1370) ввел в употребление трехкоронную митру (тиару) как символ верховного владычества папства над духовным, светским и Небесным царствами.

49 1 Фее. 5, 22.

50 Цитата приводится Лютером не дословно.

51 Ин. 18, 36.

52 1 Кор. 2, 2.

53 Прелатура — церковный округ, возглавляемый прелатом (лат. *praelatus* — поставленный над кем-либо) — высокопоставленным духовным лицом.

54 Дан. 11, 38—39, 43.

55 Пробство — церковный округ; пробст (нем. *Propst*, лат. *praepositus* — старшина, начальник) — в Германии XV—XVI вв. глава капитула, или управляющий светскими делами, прежде всего доходами капитула.

56 1 июля 1517 г. папа Лев X (1513—1521) в течение одного дня провозгласил 31 священнослужителя кардиналами. За это ему было уплачено 300000 дукатов.

57 Мюнхенберг — очевидно, имеется в виду Михаэльсберг.

58 Прагматическая санкция (1438) французского короля Карла VII (1422—1461) и заключенный в 1516 г. между французским королем Франциском I (15¹⁵—1548) и папой Львом X Болонский конкордат юридически оформили значительное ослабление зависимости Галликанской Церкви от папства и в известной мере подчинили ее королевской власти.

59 Аннаты — единовременный налог, взимавшийся римской курией с епископов в первый год их службы.

60 Согласно библейскому мифу, палестинские города Содом и Гоморра за грехи их жителей были разрушены Богом (Быт. 19, 24, 25).

61 Паллий — первоначально шерстяной плащ, а затем белый шерстяной воротник, надевавшийся епископами поверх священнического облачения. За паллий, который вручался епископам при их посвящении, римская курия взимала значительные суммы.

62 Имеется в виду страсбургский епископ Вильгельм фон Хонштейн (1506—1541). О его неудачной попытке осуществления реформ см.: Rapp F. *Reformes et Reformation a Strasbourg, Eglise et societe dans le Diocese de Strasbourg* (1450—1525). P., 1974. P. 179, 186.

63 Пребенда (ср. лат. *praebenda* — то, что должно быть дано) — доходы и имущество, предоставляемые привилегированной части католического духовенства за исполнение обязанностей.

64 Кoadьютор (*co-adjuvo* (лат.) — помогать) — помощник, предполагаемый преемник

церковной должности.

65 Капитул (лат. *capitulum* — глава) — коллегия священников при епископе или кафедральном соборе.

66 Комменда (лат. *com-mendo* — передавать; препоручать, вверять) — передача церковного прихода лицу, которое не исполняет в нем обязанностей священнослужителя.

67 Лютер имеет в виду то, что так называемые глоссы, или разъяснения, касающиеся применения церковного права, на практике зачастую затемняли либо извращали смысл той или иной правовой нормы. Так называемая "*glossa ordinaria*", т. е. сборник основных глосс отдельных комментаторов права, наряду с декретами приобретал силу закона.

68 *Unio* (лат.) — соединять, сочетать.

69 *In-corporatio* (лат.) — включение в состав чего-либо.

70 Датарий — заведующий папской канцелярией.

71 Куртизан — придворный при папском престоле.

72 Бенефиций церковный (лат. *beneficium* — благодеяние) — пожалование церковной должности, приносящей доходы.

73 *Administratio* (лат.) — служение, руководство, управление.

74 *Administrator* (лат.) — распорядитель.

75 Цитата приводится Лютером не дословно.

76 Симония — часто применявшаяся в средние века практика продажи и покупки церковных должностей. Название происходит от имени Симона—волхва, пытавшегося купить за деньги дары Духа Святого (Деян. 8, 18—19).

77 См. прим. 70.

78 Каноническое право запрещало браки между родственниками в седьмой степени родства. Папа Иннокентий III (1198—1216) сузил этот запрет до четвертой степени родства. Кроме того, запрещались браки между крестными и крестниками

как состоящими в духовном родстве. Но за деньги папская курия зачастую освобождала от этих запретов.

79 *Compositions* (лат. *compositio* — прекращение спора, устранение разногласий). В данном случае плата за освобождение от определенных ограничений или обязательств. Например, за отмену установленного Церковью запрета на заключение брака между лицами, состоящими во второй или третьей степени родства, нужно было в соответствии с официальной "Книгой такс" (1520) заплатить датарию 25 дукатов.

80 *Confusio* (лат.) — беспорядок, путаница.

81 Фуггеры — крупнейший южногерманский купеческий и банкирский дом.

82 В грамотах, касающихся исповеди, содержалось разрешение покупать у исповедника полное прощение грехов.

83 "Удостоверение о масле" — грамоты, освобождавшие от ограничений в пище во время поста.

84 *Confessionalibus* (лат.) — (удостоверение, свидетельство, расписка) — грамоты, которые освобождали от соблюдения определенных церковных предписаний, прежде всего от соблюдения поста.

85 Кампофлоре (Кампо ди Фиоре) — рыночная площадь в средневековом Риме. До середины XV в. была в запустении. Застраивалась римскими папами, начиная с Евгения IV (1431—1447).

86 Бельведер — при папе Иннокентии VIII (1484—1492) — строение в саду, которое при папе Юлии II (1503—1513) было соединено галереей с ватиканским дворцом.

87 Легат (лат. *legatus* — посол) — уполномоченный папы римского, который направлялся в ту или иную страну с особой миссией.

88 Во второй части декрета "*Filiis vel nepotibus*" (сыновья или внуки) было установлено, что наследники лица, основавшего Церковь, должны иметь право обращаться с просьбой о защите к светской власти, если папские легаты не смогут справиться с возникшими трудностями.

- 89 Комменда — см. прим. 66.
- 90 Адьютор — претендент на замещение церковного прихода.
- 91 Резервация — практика закрепления за папской курией духовных ленов, владельцы которых умерли.
- 92 *Gratiae exspectativae* (лат.) — право на замещение еще не освободившегося прихода.
- 93 Папские месяцы — шесть месяцев (январь, март, май, июль, сентябрь, ноябрь), в течение которых папа имел право назначать на церковные должности (за исключением должностей епископов и аббатов). В остальные месяцы правом назначения на церковные должности обладали епископы.
- 94 См. прим. 69.
- 95 См. прим. 61.
- 96 См. прим. 71.
- 97 См. прим. 42.
- 98 *Nominem peccati* (лат.) — человек греха. Выражение из 2 Фее. 2, 3, где говорится о том, что перед вторым Пришествием Христа должен открыться "человек греха, сын погибели", т. е. антихрист.
- 99 Слова "...а для дел созданы другие" добавлены Лютером к тексту Деян. 6, 2, 4.
- 100 Люцифер — в христианской религии — сатана, повелитель ада.
- 101 Официал — чиновник при епископе для ведения светских дел.
- 102 Консистерия — (лат. *consistorium* — место собрания, совета) — церковно-административный орган у лютеран.
- 103 *Signatures gratiae et iustitiae* (лат.) — папское ведомство отпущений и судебных дел.
- 104 См. прим. 91.
- 105 Лютер несколько изменяет смысл цитируемого отрывка. В Рим. 1, 32 говорится: "Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют".
- 106 *Reservatio rectoralis* (лат.) — право папы лишать священнослужителей пожалованных должностей и передавать их другим.
- 107 *Casus reservati* (лат.) — оговоренные случаи, т. е. проступки, за которые отпущение грехов давалось лично папой или лицом, обладавшим особыми папскими полномочиями. Эти проступки перечислялись в буллу "In coena domini", которая провозглашалась ежегодно в Страстной Четверг — день введения Святого Причастия. Поэтому она начиналась словами "coena domini" — "Причастие Господа".
- 108 См. прим. 107.
- 109 Имеется в виду 5-й Латеранский Собор (1512—1517).
- 110 *Significasti* (лат.) — четвертая глава шестого титула первой книги декреталий папы Григория IX (1227—1241). Она касалась клятвы послушания епископов по отношению к папе.
- 111 Инвеститура — юридический акт передачи лена, должности, сана. Церковная инвеститура — назначение на церковную должность и введение в сан. Острая борьба за обладание инвеститурой велась между папами и императорами в XI—XII вв.
- 112 *Solite* (лат.) — шестая глава 33-го титула первой книги декреталий папы Григория IX.
- 113 Имеется в виду сочинение Лютера "Лютеровская резолюция о положении 13-м, касающемся власти папы" (*M. Luther propositione XIII, de potestate papae* (1519) //WA. Bd. 2. S. 217—225).
- 114 *Pastoralis* (лат.) — вторая глава 11-го титула второй книги декреталий папы Климента V (1305—1316).
- 115 Лютер своими словами передает содержание Мф. 20, 25—26; Мк. 10, 42—43.
- 116 *De donatione Constantini* (лат.) — Константинов дар. Фальшивая грамота, составленная около середины VIII в. при папском дворе для обоснования теократических притязаний папства. В грамоте говорится о том, что император Константин I (306—337)

якобы передал папе Сильвестру I (314—335) и его преемникам власть над Римом, Италией и западной частью Римской империи. Подложность "Константинова дара" была доказана около 1440 г. итальянским гуманистом Лоренцо Валлой (1406—1457). Сочинение Баллы было издано в Германии в 1517 г. известным гуманистом Ульрихом фон Гуттеном (1488—1523). Лютер познакомился с сочинением Баллы в 1520 г.

117 Южная Италия и Сицилия в XI в. были завоеваны норманнами. Папа Григорий VII в 1080 г. "пожаловал" одному из предводителей норманнов — Гвискару Роберту в качестве лена все завоеванные им владения. В дальнейшем для обоснования своих гегемонистских устремлений папы неоднократно ссылались на факт этого "пожалования".

118 Цитата из 2 Тим. 2, 3—4 приводится Лютером произвольно.

119 Цитата из Лк. 12, 14 приводится Лютером не дословно.

120 В ликаонском городе Листре Апостол Павел исцелил хромого. Очевидцы этого исцеления попытались совершить жертвоприношение Павлу и его спутнику Апостолу Варнаве как богам. Но Апостолы воспротивились этому, сказав: "Мы — подобные вам человеки" (Деян. 14).

121 "Золотые годы*" — учрежденные в 1300 г. папой Бонифацием VIII так называемые юбилейные годы Церкви, связанные с выпуском особых индульгенций. Первоначально предполагалось отмечать юбилейные годы через 100 лет, в 1343 г. — через 50, затем — через 33 и наконец — через 25 лет. Юбилейные годы привлекали в Рим бесчисленное множество паломников.

122 Святой Франциск — Франциск Ассизский (1181/82—1226), основатель нищенствующего ордена францисканцев.

123 Доминик — Доминик де Гусман (1170—1221), основатель ордена доминиканцев.

124 См. прим. 20.

125 Цитата приводится Лютером не дословно.

126 Святая Агнесса — по свидетельству церковной легенды, во время гонений на христиан замучена в Риме. Это произошло либо во время правления императора Деция (249—251), либо около 300 г. в период правления Диоклетиана. День ее поминаения — 21 января. В средние века высоко почиталась Католической Церковью как патронесса детей и девушек. Была включена в канон мессы.

127 См.: Мф. 19, 11—12; 1 Кор. 7, 8—9.

безбрачие духовенства.

128 В Католической Церкви был установлен celibat. Но многие священники имели сожительниц и детей.

129 Святой Иероним — Софроний Евсений Иероним (ок. 347—420), Отец Церкви, перевел Библию на латинский язык. Положение о равенстве священника и епископа было выдвинуто Иеронимом в комментариях к Посланию к Титу 1,7.

130 Лютер приводит цитату с заметными дополнениями от себя.

131 Разделение Церквей произошло в 1054 г. В Православной Церкви обет безбрачия обязателен лишь для монахов. Но говоря о разделении Церквей, следует учитывать, что в основе этого процесса лежали не столько догматические, культовые и канонические разногласия, сколько различия в путях социально-экономического и политического развития стран Западной Европы и Византии.

132 *Quantum fragilitas humana permittit* (лат.) — насколько это позволит человеческая слабость.

133 *Negative, id est: non promitto castitatem* (лат.) — отрицание, то есть: я не обещаю целомудрия.

134 *Fragilitas humana non permittit caste vivere* (лат.) — человеческая слабость не позволяет оставаться целомудренным.

135 *Angelica fortitude et celestis virtus* (лат.) — ангелу присуща стойкость и небесная добродетель.

136 Исх. 12, 35—36.

- 137 Мф. 19, 6.
- 138 *Impedimenta* (лат.) — канонические ограничения брака.
- 139 Диспенсация — освобождение какого-либо лица от действия определенного церковного правила; в данном случае — устранение препятствий к браку.
- 140 *Irregulares* (лат.) — монахи, допустившие серьезные нарушения орденских уставов и вследствие этого подлежащие исключению из ордена.
- 141 Епитимья — наказание, налагаемое священнослужителем за всякого рода прегрешения.
- 142 См. прим. 28.
- 143 Лютер имеет в виду свое произведение "Проповедь об отлучении" (*Sermon von dem Bann* (1520) //WA. Bd. 6. S. 63—75).
- 144 Локоть — мера длины, равная 0,587 м.
- 145 Цитата приводится Лютером не дословно.
- 146 Праздники Богородицы — Рождество Богородицы, Введение во храм, Благовещенье и Успенье.
- 147 Святая Оттилия — Одилия, святая. Дочь эльзасского герцога Этихо (VIII в.). По свидетельству церковной легенды, была слепой от рождения. Прозрела во время Крещения. Умерла около 720 г. Первая аббатиса названного по ее имени монастыря. Считалась покровительницей Эльзаса. Ее культ был распространен в Южной Германии. Легенда приписывала ей силу исцелять от головной боли. День ее поминаения — 13 декабря.
- 148 Святая Барбара — по свидетельству церковной легенды, около 240 г. или около 306 г. за свою веру была обезглавлена отцом. День ее поминаения — 4 декабря.
- 149 Крестное родство — крестные, крестницы и крестники, согласно церковной доктрине, считались состоящими в духовном родстве, поэтому браки между ними запрещались.
- 150 См. прим. 83.
- 151 Грамоты о мессах — грамоты, в которых определялась доля дохода священника, отправлявшего мессу по заказу.
- 152 *Confessionalia* (лат.) — привилегии исповедника.
- 153 Для привлечения паломников в Вильснаке (Бранденбург) и в августинском монастыре Штернберг (Мекленбург) священнослужители использовали кровоточащие гостию, в Трире — мнимый хитон Христа (Святой хитон был впервые выставлен в Трире в 1512 г. Булла папы Льва X, изданная в 1515 г., предписывала выставлять хитон, начиная с 1517 г., каждые 7 лет); в Гримментале и в Регенсбурге практиковалось "исцеление" больных при помощи так называемых "чудес".
- 154 См. Деян. 5, 39.
- 155 Антоний Флорентийский (1389—1459) — генеральный викарий доминиканского ордена, архиепископ Флоренции. В 1523 г. был провозглашен святым. В момент написания "Послания к христианскому дворянству..." Лютер знал о предстоящей церемонии провозглашения нового святого. См.: *Epitoma responsionis ad Martinum Luther per Fratrem Silvestrum de Prierio* (1520) //WA. Bd. 6. S. 339.
- 156 *Indulta* (лат.) — разрешение папы римского на получение привилегий, которых нельзя было добиться законным путем.
- 157 *Facultates* (лат.) — полномочия.
- 158 Перечисление Лютером этих, казалось бы, разнородных предметов имеет свой подтекст. Под свинцом подразумевается свинцовая печать, которой скреплялись папские грамоты; под шкурой — пергамен, на котором они были написаны; под шнурком — пеньковая или шелковая бечевка, которой обвязывалась свернутая в рулон грамота; под воском — восковая печать, которой закреплялась бечевка; под словом и буквой — содержание папских грамот.
- 159 Цитата из 2 Фее. 2, 11—12 приводится Лютером не дословно.
- 1602 Фее. 3, 10.

161 Лк. 10, 7; Мф. 10, 10.

162 Братства — объединения мирян, находящиеся под церковной опекой. Главная цель членов братств — свершение "добрых дел" для того, чтобы заслужить себе небесное блаженство. Лютер выступил против братств в 1519 г. в "Проповеди о

высокоочтимом Таинстве Святого Истинного Тела Христова и о братствах" (Ein Sermon von dem hochwurdigen Sacrament des hi. wahren Leichnams Christi und von den Bruderschaften). Лютер подверг критике лежащую в основе деятельности братств идею оправдания посредством "добрых дел". Кроме того, реформатор порицал членов братств за то, что они добивались спасения только для самих себя. В противовес этому Лютер отстаивал идею всеобъемлющей христианской общности и братства.

163 См. прим. 83.

164 См. прим. 139.

165 См. прим. 139.

166 Декреталии — папские постановления о спорных вопросах церковной дисциплины.

167 2 Фее. 2, 3—4.

168 См.: Ис. Н. 9.

169 4 Цар. 25.

170 Владислав III Варненчик (1424—1444) — король Польши с 1434 и Венгрии (с 1440). Подстрекаемый папской курией, нарушил перемирие с турками. В сражении под Варной армия Владислава была разбита турками, а сам король погиб.

171 Сигизмунд I Люксембургский (1361 — 1437) — император Священной Римской империи (1410—1437).

172 Гус Ян (1371 — 1415) — идеолог чешской реформации, национальный герой чешского народа.

173 Иероним Пражский (ок. 1371 — 1416) — чешский реформатор, сподвижник Яна Гуса.

174 Во время Итальянских войн (1494—1559) в 1508 г. была образована Кам-брейская лига (папа Юлий II, император Священной Римской империи Максимилиан I, французский король Людовик XII, испанский король Фердинанд I и ряд итальянских государств), направленная против Венецианской республики. После примирения Венеции с папой и Испанией (1510) Камбрейская лига распалась.

175 Имеется в виду Констанцкий Церковный Собор 1414—1418 гг.

176 Лютер имеет в виду семь свободных искусств, лежавших в основе преподавания в средневековых школах и на артистических факультетах университетов.

177 ...все их секты — После гуситских войн Богемская Церковь распалась на ряд направлений: ортодоксально-католическое; утраквистов или каликстинцев, которые позже примкнули к лютеранам; "богемских братьев" — радикальных утраквистов, возглавлявшихся епископом.

178 См. прим. 42.

179 См. прим. 22.

180 Лютер своими словами передает смысл высказываний Апостола Павла (Рим. 8, 15—21).

181 Пикарты — левое крестьянско-плебейское хилястическое течение чешских таборитов. Пикарты отрицали Таинство Причастия.

182 Святой Фома — Фома Аквинский (1225—1274), основатель томизма.

183 Рассматривая вопрос о пресуществлении, Католическая Церковь учила, что во время отправления Таинства Причастия при освящении хлеба и вина священнослужителем происходит их действительное превращение в Тело и Кровь Христа. Лютер же утверждал, что во время причащения Тело и Кровь Христа реально присутствуют в хлебе и вине. В понимании сущности пресуществления Лютер позже разошелся и с швейцарским реформатором Ульрихом Цвингли, который учил, что хлеб и вино в Таинстве Причастия — лишь символы Тела и Крови Христа.

- 184 В результате гуситского движения в Чехии была проведена секуляризация церковного землевладения.
- 185 Цитата из Мф. 18, 20 приводится Лютером не дословно.
- 186 *Gymnasia Epheborum et Grece glorie* (лат.) — игорные дома для юношей и прославление греков.
- 187 2 Макк. 4, 12—13. В этом отрывке рассказывается о том, как иерусалимский первосвященник Язон попытался ввести в городе греческие обычаи и построил игорный дом.
- 188 Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ. Реформаторы нападали на Аристотеля потому, что в его философии видели основу теологических концепций Католической Церкви.
- 189 *Physicorum, Metaphysice, de Anima, Ethicorum* — "Физика", "Метафизика", "О душе", "Этика".
- 190 См. прим. 182.
- 191 Скотт — Иоанн Дуне Скотт (1266—1308), францисканский монах, один из виднейших представителей схоластики.
- 192 *Scrinium pectoris* (лат.) — крик души. Выражение введено в оборот папой Бонифацием VIII (1294—1303).
- 193 *Doctor Decretorum* — академическая степень преподавателя канонического права.
- 194 *Doctor scrinii Papalis* (лат.) — доктор папского ящика для хранения бумаг.
- 195 Алькоран — имеется в виду Коран.
- 196 Цитата приводится Лютером не дословно.
- 197 *Sententiae* или *Sententiarum libri* (лат.) — название учебников догматического богословия, в которых излагались и истолковывались основы церковного предания.
- 198 *Doctor Theologiae* (лат.) — доктор теологии.
- 199 Красные и коричневые береты — в средневековых университетах при присуждении степени доктора на голову соискателя одевался берет как символ докторского достоинства.
- 200 См. прим. 40.
- 201 Ординарные лекции — в средневековых университетах — обязательные занятия. Экстраординарные лекции — факультативные занятия.
- 202 См. прим. 126.
- 203 См. прим. 116.
- 204 Дан. 2, 39. Под третьим царством, о котором говорится в этом* отрывке, Лютер подразумевал Римскую империю.
- 205 В иносказании библейского пророка Валаама Лютер вкладывает угодный ему смысл. В цитируемом Лютером отрывке говорится: "Придут корабли от Китима, и смирят Ассура, и смирят Евера, но и им гибель!"
- 206 В III—V вв. готы нанесли ряд сокрушительных ударов по Римской империи. В 410 г. полчища вестготов под предводительством Аллариха захватили и разграбили Рим. Падение "вечного города" произвело потрясающее впечатление на современников этого события. Они рассматривали его не только как конец Римской империи, но и как светопреставление.
- 207 Турецкое военно-феодальное государство возникло на территории Малой Азии в XIV в.
- 208 Имеется в виду Константинов дар.
- 209 См. примечание 116.
- Лютер своими словами передает общий смысл указанных им текстов.
- 210 Цитата приводится Лютером не дословно.
- 211 Священная Римская империя была основана в 962 г. германским королем Оттоном I (912—973). Эта империя рассматривалась как продолжение империи Каролингов, которая, в свою очередь, считалась преемницей древней Римской империи. С конца XV в. появляется название "Священная Римская империя германской нации".
- 212 См. Дан. 1.

213 1 Цар. 10, 24.

214 3 Цар. 1.

215 4 Цар. 9.

216 Имеется в виду епископ Милана Амвросий (ум. 397).

217 Епископ Милана Амвросий принудил императора Феодосия (379—395) к публичному церковному покаянию, когда последний приказал вырезать восставших в Фессалонике.

218 См.: 2-я Цар. 7.

219 О помазании Саула Самуилом на царство см.: 1-я Цар. 10.

220 См. прим. 81.

221 2 Тим. 3, 5.

222 Цитата из Быт. 3, 17—19 приводится Лютером не дословно.

223 Мф. 24, 42; Мф. 25, 13; Мк. 13, 33.

224 1 Кор. 7, 25.